

Значение Афона в истории сербской церкви.

Южная Македония оканчивается широким Халкидическим полуостровом, который тремя длинными косами вдается в Эгейское море. Самый восточный из этих полуостровов, омываемый на восток Стримонским заливом, а на запад — Сингитским, и называется Афоном. Афонский полуостров представляет собою горный хребет, идущий длиной до 80, а шириною до 20 верст. Начинаясь у самого перешейка, соединяющего полуостров с матерком Македонии, и имея здесь очень незначительную высоту, по мере удаления своего от матерка, Афон постепенно приподнимается и наконец у моря оканчивается значительной возвышенностью, достигающей до 2 верст ¹⁾.

Покрытый на всем своем восьмидесятиверстном протяжении (за исключением южного шика и прилегающих к нему скал) роскошною растительностью, Афон как у Византийских писателей, так и повзванных путешественников всяких национальностей всегда возбуждал и вызывает чувство неподдельного восхищения своим живописным видом, прекрасным местоположением и богатством флоры. И действительно, физическая красота Афона бесспорна.

Прежде всего бросается в глаза масса яркой и самой разнообразной зелени. Все безчисленные Афонские края и отроги скалы, обрывы, изгибы и грещины, овраги, долины и поля покрыты дубовыми, платановыми, павровыми, каштановыми, сосновыми вѣковыми дѣсами, тянущимися на гро-

¹⁾ И. Соколовъ. Состояніе монашества въ Византийской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка. Казань, 1894 г. 214 стр.

малыя пространства рощами масличныхъ, смоковничныхъ, лимонныхъ, апельсиновыхъ и др. плодовыхъ деревьевъ: цѣлыми садами многообразныхъ сортовъ винограда.

Съ трехъ сторонъ омываетъ гору, уходящее въ безграничную даль и переливающееся, соответственно глубинѣ, разнообразными, замѣчательно пѣжными—отъ блѣдно-голубого до темно-синяго оттѣнка, цвѣтами, море. Обычно-унылое однообразіе его поверхности, здѣсь нарушается небольшими, какъ бы изъ глубины моря выплывающими, островами Архипелага: Самоэраки, Тассо, Имбросъ, Лемносъ.

Сверху постоянно чистое, свѣтло-голубое, сливающееся вдали съ такою же одноцвѣтною морскою поверхностью, небо, лишь изрѣдка затемняемое лѣтними грозвыми, и недолгими осенними дождевыми или зимними, свѣжыми облаками.

Свѣжій морской вѣтерокъ смягчаетъ жару самыхъ знойныхъ лѣтнихъ дней. Всѣ эти неотъемлемыя красоты Аѳонской природы даютъ несомнѣнное право считать Аѳонъ, расположенный, кстати, на одной широтѣ съ Сардиніей, однимъ изъ лучшихъ уголковъ Европы.

Но не съ этой стороны знаменитъ Аѳонъ. Слава Аѳона лежитъ на совершенно другой плоскости: это имя имѣетъ значеніе въ иной сферѣ. Всѣмъ народамъ православнаго востока это имя извѣстно тѣмъ, что оно говоритъ о высочайшихъ нравственныхъ подвигахъ религіозно-созерцательной жизни, свидѣтелемъ которыхъ Аѳонъ былъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Но еще болѣе памятно имя Аѳона народамъ греко-славянскаго міра, и потому именно, что оно, со значеніемъ религіозно-нравственнаго фактора, тѣснымъ образомъ вплетено въ исторію каждаго изъ нихъ. Отсюда нравственный ореолъ обвѣваетъ это имя: Аѳонъ—это *Άγιον ὄρος* грековъ, Света Гора—болгарь и сербовъ. Здѣсь, въ этой области лежатъ настоящее значеніе Аѳона

Чтобы представить себѣ истинную цѣнность Аѳона для религіозной жизни и не только православнаго востока, но и всего христіанскаго міра, необходимо выяснитъ себѣ самую идею его учрежденія, какъ центрального монашескаго института.

Эта идея высказана въ посланіи Алексѣя Комнина къ

АѦонскимъ подвижникамъ 1081 г.: „Святые отцы, обитающіе на божественной и святой горѣ! Знайте, что какъ Константинополь есть царь городовъ и выше всѣхъ ихъ, такъ и царственнѣйшая и божественная ваша гора превосходитъ всѣ горы вселенной, вы же, по писанію,—*нашъ свѣтъ и соль*. Мы такъ думаемъ и такъ вѣримъ“¹⁾.

АѦонское монашество есть, такимъ образомъ, религіозно-просвѣтительный институтъ, высшая духовно-нравственная школа христіанскаго подвижничества, имѣющая обще-христіанское, міровое значеніе. АѦонъ—*свѣтъ* міра, и *соль* его жизни.

Какъ свѣтъ—онъ долженъ быть постоянно на высотѣ уразумѣнія христіанской истины, представителемъ православія, хранителемъ чистоты его ученія.

Какъ соль—онъ долженъ превосходить всѣхъ чистотою нравственной дѣятельности.

Но это духовное освѣщеніе и осоленіе должно имѣть примѣненіе для жизни *всего міра*. Если АѦонъ есть свѣтъ, то это свѣтъ маяка, указывающаго *всѣмъ* блуждающимъ во тьмѣ религіозной цуть къ царству небесному. Если АѦонъ есть соль, то это соль нравственнаго примѣра, предохраняющаго обще-христіанскую жизнь отъ нравственнаго разложенія. Таково значеніе инокскаго АѦона въ средѣ всего христіанскаго міра²⁾

И эта мысль сдѣлать АѦонъ, занимающій топографически очень удобное положеніе, *обще-народнымъ* мѣстомъ, куда приходили бы спасаться избранныки со всѣхъ сторонъ: объединить здѣсь *всѣ народности* на поприщѣ инокскаго подвига (грека, латиняна, славянина, грузина, валаха, араба и пр.), чтобы это—„жилище земныхъ ангеловъ и небесныхъ чело-вѣковъ“ имѣло въ то-же время и общечеловѣческое про-

1) Соколовъ, цит. соч 248 стр.;

2) Замѣчательно, что сами АѦонцы смотрятъ на свое значеніе для христіанскаго міра съ этой именно точки зрѣнія. Такъ, въ „Сказаніи о Св. АѦонской горѣ“, составленномъ игуменомъ АѦон. Павтелимонова монастыря Іоакимомъ въ 1561 г. (Памятники Древн Письменности 1882 г.) вмѣстѣ съ прочими 13 старцами АѦонскими, приходившими въ 1560 г. въ Россію просить милостыню, читаемъ: „и что есть св. гора мѣсту оному—востоку и западу и всей земли гречестей, но *только соль и свѣтило* есть Святая Гора“ 24 стр.

свѣтительное значеніе, — эта мысль принадлежала еще самому Аѳанасію Аѳонскому († 1000 г.), преобразователю Аѳонскаго монашества, которому еще при жизни своей удалось отчасти и осуществить ее ¹⁾. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ она уже настолько ясно реализовалась въ представленіи восточнаго ²⁾ христіанства, что Алексѣй Комнинъ въ своемъ посланіи 1081 г. свидѣтельствуетъ о ней, какъ общезвѣстной истинѣ. И дѣйствительно, просматривая исторію монашескаго Аѳона, мы видимъ здѣсь все время выполненіе этой идеи.

Такъ, съ раннихъ временъ ³⁾ Аѳонъ дѣлается самою высшею школою христіанскаго подвижничества, центромъ самаго строгаго аскетизма, убѣжищемъ самой высокой религіозно-созерцательной жизни не только Византіи, но и вообще всѣхъ христіанскихъ государствъ міра. Аѳонъ — это „второй рай“, монашеское „небесное царство“ на землѣ, „убѣжище и мастерская всѣхъ добродѣтелей“, гора святая по преимуществу ⁴⁾.

Уже во времена Св. Аѳанасія, игравшаго такую существенную роль въ исторіи Аѳонскаго монашества, Аѳонъ получаетъ наименованіе *Святой Горы*. Такимъ названіемъ почтилъ ее самъ св. Аѳанасій въ своемъ титикоѣ и въ духовномъ завѣщаніи. Такъ названа она и въ одномъ Аѳонскомъ актѣ 1038 г. Немного спустя это наименованіе дѣлается уже *официальнымъ* по отношенію къ Аѳону, какъ это видно изъ особаго хрисовула Константина Мономаха 1046 года, изъ Устава 1046 года, хрисовула Михаила VI Стратиготика отъ

¹⁾ Еп. Порфирій Перв. путеш. въ Аѳон. монастыри, ч. II, от. I, 234 стр. Ср. А. Антоновъ, Замѣтки поклонника Св. Горы, Труды Кіев. Дух. Акад. 1862 г. II, 100—101 стр.; Грамата 1342 г. болгарскаго царя Іоанна Александра, — П. Сырку, Время и жизнь патр. Евфимія, СПБ. 1898 г. 57 стр.

²⁾ Впрочемъ и не одного только восточнаго; эта идея была знакома и римскому папѣ Иннокентію III, который въ извѣстномъ своемъ посланіи къ Аѳонскимъ монастырямъ 12 янв. 1214 г. пишетъ: „Богъ избралъ вашу гору, какъ гору, на которую *собираются народы*“

³⁾ Особенную славу Аѳонъ приобретаетъ со времени водворенія на немъ Св. Аѳанасія (961 г.), начавшаго новую эру въ исторіи Аѳонскаго монашества.

⁴⁾ Подробное описаніе жизни Аѳонскихъ иноковъ за этотъ періодъ см. въ Житіи Св. Саввы Сербскаго, Аѳонскій Патерикъ. СПБ. 1876 г. ч. I стр. 172.

1057 года, цвѣтнаго уже намъ посланія Алексѣя Комнина 1081 года и др. Вообще съ этихъ поръ это почетное названіе пастолько становится употребительнымъ по отношенію къ АѦону, что „Святая Гора“ (*Ἁγιον ὄρος*) дѣлается синонимомъ АѦона, неотдѣлимой характеристикой высоко нравственной жизни его обитателей.

Въ XIII вѣкѣ, когда подъ напоромъ латинянъ произошелъ бѣгъ монаховъ изъ Византіи и другихъ пунктовъ греческой имперіи на Святую Гору, находившуюся вдали отъ мірской суеты и неурядиць, слава АѦона, какъ высшей школы христіанскаго подвижничества, еще болѣе увеличивается. АѦонъ теперь сталъ пріобрѣтать славу *главнаго центра* монашеской жизни, гдѣ по преимуществу сосредоточивалась и развивалась религіозно-созерцательная жизнь Византіи. АѦонъ теперь не только „Святая Гора“, но и „Домъ Божій“, „врата небесныя“¹⁾, „гора Богоименная, которую возлюбилъ Богъ, чтобы обитать на ней“²⁾; здѣсь „сіяютъ лики иноковъ“³⁾.

Но особенно благоприятны отзывы о состояніи религіозно-нравственной жизни АѦонцевъ въ слѣдующемъ, XIV вѣкѣ. АѦонскіе „Боголюбивые мужи“, какъ читаемъ въ хрисовулахъ греческихъ императоровъ, „на сушѣ и на морѣ“ служатъ „предметомъ удивленія“⁴⁾, „блистаютъ яко яркія

1) Какъ это видно изъ пастырскаго посланія папы Иннокентія III, къ которому АѦонцы обращались за покровительствомъ: „Богъ избралъ вашу гору, какъ гору, на которую собираются народы, избралъ ее, какъ мѣсто преславленія достопоклоняемаго имени Своего; ибо она, хоть и лишена земляного плодородія, но паче всѣхъ горъ въ мірѣ украшена тремя стами монастырей и достославнымъ числомъ святыхъ насельниковъ, имѣющихъ величайшую полноту духовныхъ благъ. Она по истинѣ есть святое мѣсто, домъ Божій, врата небесныя и славное поприще для борьбы съ сатаной; и потому многіе народы любятъ ее, епископы и князья покровительствуютъ ей, и даровали ей полную независимость, дабы иноки безмятежно жили для одного Бога“—Еп. Порфирій, Исторія АѦона, ч III стр. 76.

2) Хрисовулъ Михаила Палеолога 1259 года—Еп. Порфирій, цит. соч. 91 стр.

3) Въ хрисовулѣ царя Андроника 1284 г. обители АѦонскія названы „священными обителями, въ которыхъ сияютъ лики иноковъ, упражняющихся во всякомъ родѣ добродѣтелей“—Еп. Порфирій, цит. соч. 129 стр.

4) Въ хрисовулѣ Андроника Младшаго 13-9 г., даннаго на имя Лавры Св. АѦанасія, выражено, что „лавріоты суть мужи Боголюбивые, все на

звѣзды по причинѣ чистоты ихъ жизни“, почему и Святая Гора угодобляется „небу звѣздному“¹⁾.

Правда, къ концу XIV вѣка наблюдается какъ бы упадокъ нравственности среди святогорцевъ: по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ и указаніе на это въ словахъ патріарха Антонія (1394 г.) о существованіи среди святогорцевъ сыновъ лжи и геены: въ плачевныхъ обличеніяхъ многихъ и даже неестественныхъ грѣховъ Аѳонскаго монашества въ духовномъ завѣщаніи игумена Аѳанасіевской Лавры Іакова Приказа (1363 г.): и, наконецъ,—въ появленіи для Аѳона новаго устава отъ царя Мануила Палеолога въ 1406 г.²⁾

Но нужно думать, что это были лишь частичныя; всегда и вездѣ возможныя, уклоненія святогорскихъ иноковъ отъ древнихъ отеческихъ уставовъ и слагавшейся вѣками репутации: и—временныя, ибо съ другой стороны конецъ того же XIV и весь XV вѣкъ мы не можемъ не отмѣтить какъ періодъ особаго подъема аскетическихъ подвиговъ и религіознаго воодушевленія въ Аѳонской жизни. Вѣдь эти именно годы были временемъ появленія и расцвѣта ученія исихастовъ, временемъ Григорія Паламы, Филофея, вполнѣдствіи патріарха Константинопольскаго, Григорія Синаита и знаменитыхъ учениковъ его: Герасима Елладскаго, Іосифа, вполнѣдствіи патріарха вселенскаго и мн. др.

Весьма благоприятные отзывы о состояніи нравственной жизни Аѳонскаго монашества мы встрѣчаемъ и въ слѣдую-

земль пренебрегшіе, ревностѣйшимъ благодѣланіемъ и неустаннымъ служеніемъ Богу украшенные, вездѣ на сушѣ и морѣ служащіе предметомъ удивленія“—Еп. Порфирій, цит. соч 154 стр.

1) Въ извѣстномъ хрисовулѣ 1313 года Андроникъ Старшаго о подчиненіи Аѳонскихъ монастырей вселенскому патріарху говорится: „гора Аѳонская между другими горами поистинѣ дивна и пріятна. А если бы кто назвалъ ее и вторымъ раемъ, или небомъ звѣзднымъ, или убѣжищемъ всѣхъ добродѣтелей, тотъ не погрѣшилъ бы нимало. А въ нихъ (обителяхъ) лики и роды жизни монашествующихъ, весьма значительныя числомъ и отличающіеся созерцаніемъ и благодѣланіемъ, блистаютъ яко яркія звѣзды по причинѣ чистоты ихъ жизни и существованія въ міра и плоти. По причинѣ ихъ добродѣтельнаго житія и подвижничества и самая гора сія справедливо получила названіе Святой“—Еп. Порфирій, цит. соч 141—142 стр.

2) Еп. Порфирій, цит. соч 209—210 стр.

щѣ вѣка:—въ XVI вѣкѣ—француза Беллона ¹⁾, посѣтившаго Аѳонъ въ 1553 году, въ XVII вѣкѣ—англичанина Рико ²⁾, въ XVIII вѣкѣ—цѣлковаго Павла Лукаса, бывшаго на Аѳонѣ въ 1706 году ³⁾.

Извѣстный нашъ соотечественникъ Барскій чрезвычайно осторожно ⁴⁾ говоритъ о нравахъ святогорцевъ, но тѣмъ не менѣе и онъ, по суровости Аѳонскаго устава и точности его выполненія, ставитъ Аѳонъ выше всѣхъ современныхъ ему иноческихъ цуктовъ ⁵⁾.

Болѣе невыгодное впечатлѣніе о духовно-нравственномъ со-

1) Беллонъ составилъ очень подробное описаніе жизни Аѳонскихъ иноковъ, но только лишь съ вѣшной ея стороны, не справляясь (можетъ быть и не интересуясь) о ихъ духовныхъ подвигахъ и добродѣтеляхъ. Но и у него, между прочимъ, попадаются такія весьма дѣяныя, касающіяся высоты нравственнаго авторитета Аѳонцевъ, слова: „они (Аѳонцы) у всѣхъ православныхъ народовъ пользуются почетомъ и уваженіемъ наче всѣхъ прочихъ монаховъ“. Еп. Порфирій цит. соч. 536 стр.

2) Спустя 145 лѣтъ послѣ Беллона, въ 1698 году изданъ былъ французскій переводъ книги англичанина Рико о тогдашнемъ состояніи церкви греческой. Въ этой книгѣ есть описаніе и Аѳона, въ которомъ относительно духовной жизни монаховъ говорится такъ: „святогорцы большею частію суть души благочестивыя и святыя, занятыя набожностію и умерщвленіемъ плоти. А такъ какъ отъ избытка сердца глаголютъ уста, то они всегда бесѣдуютъ о предметахъ духовныхъ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Посему мы можемъ не легковѣрно утверждать, что эти монахи не только добро нравны, но и близки къ Богу“. Еп. Порфирій, цит. соч. 538 стр.

3) „Всѣ они точно исполняютъ три обязанности, какъ три обѣта своего ордена: строгое воздержаніе, доводимое до вельзя; молитвенное бдѣніе въ церквахъ въ теченіи многихъ ночей въ году, и недопущеніе женщинъ на гору, даже животныхъ не мужскаго пола“. Еп. Порфирій, цит. соч. 538 стр.

4) „Описывать нравы и житія иноческая не безбѣдно есть. Аще убо реку быти всѣхъ благихъ и добродѣтельныхъ, не соблюдуса отъ лжи, аще же изгову всѣхъ злыхъ, впаду въ осужденіе, аще же паки всѣхъ среднихъ сужу быти, не вѣмъ что глаголати. Се точію исповѣдаю, яко всѣхъ ихъ познахъ лучше мене быти“. Странствованія, стр. 164.

5) „Аѳонская гора достойна есть величанія, яко самовольнымъ и различнымъ путемъ мощно тамо вснкому жити, широкимъ, узкимъ и среднимъ путемъ, в зѣло тѣснымъ; яко тамъ Уставъ церковный, въ пѣніи же и чтевіи, и всякое благочиніе общаго и уединеннаго же иноческаго житія совершеннѣе наче всѣхъ иныхъ странъ блюдется, и долѣе всѣхъ правило творится, и большее, нежели повсюду, странопріятіе бываетъ“. Тамъ же 336 стр.

стоящіи Аѳонскаго монашества даютъ слова преосв. Порфирія, трижды посѣтившаго Аѳонъ и „достаточно“, какъ онъ и самъ говоритъ, ознакомившагося съ духовнымъ бытомъ святогорцевъ. Правда, говоритъ онъ, „святогорцы, крѣпко сохраняя все догматы вѣры православной, строго соблюдаютъ и уставъ богослужебный. Но разумно ли у нихъ служеніе Богу?—Понимаютъ ли они все то, что читаютъ и поютъ въ церквахъ своихъ?—Отвѣтъ на сей вопросъ можетъ быть данъ только отрицательный. Не знаю, въ концѣ концовъ говоритъ онъ, кто и кто нынѣ святъ на Аѳонѣ“¹⁾.

Но будучи *солью* міра, предохраняющей обще-христіанскую жизнь отъ нравственной порчи, Аѳонъ не переставалъ быть въ то же время *свѣтою* Христовой истины.

Византизмъ вообще характеризуется весьма живымъ и интенсивнымъ отношеніемъ народа къ религіи. Византійское общество было религіознымъ по преимуществу. Вся жизнь византійцевъ—частная, семейная, общественная и даже политическая—носила отпечатокъ церковно-религіозныхъ интересовъ. Религія составляла для нихъ главное и исключительное начало жизни и проникало все ея содержаніе. Византійцы не знали отрицанія религіи изъ сознательной вражды къ ней, жили преимущественно вѣрою²⁾.

Вслѣдствіе такого исключительнаго отношенія Византій къ религіи, — разрѣшеніе религіозныхъ вопросовъ составляло преобладающее, стихійное явленіе въ умственной жизни востока и Византійской имперіи, какъ и вообще (припомнимъ хотя бы эпоху догматическихъ движеній), такъ и въ изслѣдуемое (начиная съ XI вѣка) время³⁾. Попятно, что если простые члены общества принимали непосредственное участіе въ жаркихъ богословскихъ спорахъ, были въ курсѣ теченія религіозныхъ вопросовъ для, то въ особенности мы вправе ожидать послѣдняго отъ представителей церкви, которымъ приходилось быть на стражѣ церковныхъ интересовъ, быть вѣчно въ оборонительномъ положеніи. Точно также мы не имѣемъ права исключать изъ этого числа монаховъ, тѣмъ

1) Еп. Порфирій, Исторія Аѳона, часть III, стр. 558.

2) И. Соколовъ, О Византизмѣ въ церковно историческомъ отношеніи СПб. 1903 г. 15 стр.

3) В. Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, Кіевъ 1869 г. 43 стр.

болѣе, что византіиіе монахи были не только въ подавляющемъ большинствѣ своемъ грамотны ¹⁾, но многіе изъ нихъ и ученые: къ послѣднему располагала немало и самая монастырская тихая обстановка, дающая столь необходимо для ученыхъ занятій спокойствіе ²⁾.

И дѣйствительно, въ періодъ Византинизма (т. е. до паденія Имперіи) монахи стояли на высотѣ уровня современнаго имъ богословскаго знанія,—были *евѣтомъ* христіанскаго ученія и его опорой ³⁾.

1) По крайнѣй мѣрѣ инструкція игумену монастыря требовала, чтобы доступъ къ монастырскимъ должностямъ былъ свободенъ только изучившимъ ислаиръ и церковныя службы. Соколовъ, Состояніе монашества, 434 стр.

2) Быть для монаха постоянно ва высотѣ богословской науки способствовали многія благопріятныя обстоятельства, среди которыхъ не мало-важными были—сосредоточеніе самаго византійскаго общественнаго образованія по преимуществу въ монастыряхъ и при церквахъ, и книжныя богатства библиотекъ. Характеръ Византійской науки и просвѣщенія былъ, какъ извѣстно, подобно всему строю общественной и частной жизни византійцевъ, церковно-религіозный,—предметомъ обученія были главнымъ образомъ науки богословскія. Съ другой стороны, рѣдко (Базили, Конст. библиотекп, Ж. М. Н. Пр. 1836, IX, 144; Еп. Порфирій, Указатель Актонъ.. Ж. М. Н. Пр. 1847, 55, 24 стр; Соколовъ И. цит. соч. 439 стр.) при какомъ монастырѣ не было библиотекъ, собираемыхъ или личнымъ трудомъ монаховъ, посредствомъ собствениоручнаго списыванія (въ нѣкоторыхъ монастыряхъ были даже спеціальныя каллиграфическія школы), или же посредствомъ пожертвованій со стороны ктиторовъ монастырей, простыхъ мірянъ, клириковъ, епископовъ, императоровъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ монастырскія библиотеки были самыми богатыми въ Византіи, и пользовались самою широкою извѣстностью среди представителей науки, какъ свѣтской, такъ и духовной. И этими книжными сокровищами, бывшими въ распоряженіи монастырей, пользовались прежде всего и главнымъ образомъ сами монахи. Если же мы обратимъ вниманіе на содержаніе этихъ библиотекъ, то увидимъ, что тутъ больше всего было книгъ религіозно-нравственныхъ и богослужбныхъ, хотя существовали книги и другихъ отраслей знанія. „Византійская литература, говоритъ проф. Эрхардъ, носитъ характеръ по существу церковный и богословскій. Большая часть произведеній византійской литературы относится къ разряду богословскихъ“ (И. Соколовъ, О Византинизмѣ, 33 стр.)

3) „Не обинуясь можно сказать, что въ области просвѣщенія едва ли какое сословіе византійскаго общества заявило себя столь широкою дѣятельностью, какъ монахи. Они по истинѣ были главными представителями образованія; они по преимуществу были двигателями средневѣковой византійской культуры“. (И Соколовъ, О монашествѣ. 519 стр.). Припом-

Такъ дѣло обстоило въ Византіи вообще, такимъ необходимо оно представляется и на Аѳонѣ, гдѣ монахи по своимъ богословскимъ познаніямъ стоятъ не только на высотѣ столбчатого уровня, но по временамъ считаются и единственными представителями этого знанія въ восточной церкви вообще.

Начало собиранію на Аѳонѣ библиотекъ научно-богословскаго характера—этого фундамента духовнаго просвѣщенія—было положено еще самимъ преобразователемъ Аѳонскаго монашества св. Аѳанасіемъ, который не только самъ неустанно ¹⁾, въ продолженіе всей своей явн. переписывалъ книги, но и устроилъ въ Лаврѣ нѣчто вродѣ каллиграфической школы.

Въ XI вѣкѣ духовное просвѣщеніе на Аѳонѣ уже настолько очевидно разрослось, что Алексѣй Комнинъ въ пѣвѣстномъ своемъ посланіи 1081 года считаетъ возможнымъ, — и не безъ основанія, конечно, — назвать Аѳонъ „*свѣтомъ*“ міра

Съ конца XII вѣка, въ царствованіе династіи Ангеловъ, бѣдствія имперіи заставляютъ византійскихъ монаховъ массами оставлять столицу и другіе монашескіе пункты и бѣжать на Аѳонъ. Благодаря этому наплыву монаховъ, между которыми не мало было и ученыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пополненію Аѳонскихъ библиотекъ значительною частью болѣе или менѣ цѣльныхъ рукописей, захваченныхъ бѣглецами,— Аѳонъ становится теперь *по преимуществу* центромъ религиозно-просвѣтительной и созерцательной жизни востока.

Въ XIII же вѣкѣ научно богословскій авторитетъ аѳонцевъ стоитъ уже нѣсколько высоко, что Михаилъ Палеологъ, задумавшій унію (1274 г.), счелъ необходимымъ прежде всего и главнымъ образомъ заручиться согласіемъ Аѳона. Согласіе послѣдняго очевидно могло имѣть, по мнѣнію царя, роковое значеніе для привлеченія на сторону уніи мірянъ, имѣвшихъ высокое понятіе о святогорахъ. Свои догматико-

нимъ хотя бы также и именнія имена ученыхъ иноковъ, въ родѣ: Никиты Страта, Евфимія Зигабена, знаменитаго каиониста Іоанна Зонары, писателя Михаила Пселла и др.

¹⁾ А. Автомиъ, Замѣтки поклонника. , Труды Кіев. Дух. Акад. 1862, II, 243 стр.

богословскія познанія Авоны и обнаружилъ въ обширномъ вѣроисповѣдномъ посланіи къ Палеологу, гдѣ опровергали всѣ папскія нововведенія и выразили свое рѣшительное нежеланіе принять ихъ ¹⁾.

Въ XIV и XV вѣкахъ Афонъ дѣлается уже центромъ религіозныхъ движеній. Онъ являеть уже настолько интенсивно религіозною жизнью, что становится въ это время излюбленнымъ мѣстомъ происхожденія богословскихъ теорій, которыя перѣдко потомъ дѣлались предметомъ ожесточенныхъ споровъ въ византійской церкви ²⁾. Это было временемъ развитія ученія лешаствова ³⁾.

Съ XV же вѣка на Афонѣ сосредоточивается и вся ученость христіанской Византіи. Такъ, когда въ 1437 году въ Константинополь готовились къ пѣвѣтному въ исторіи попытокъ соединенія Церквей Флорентійскому собору, то патриархъ и клиръ посылали *за книгами*, нужными для защиты православныхъ догматовъ, въ библіотекѣ Афонскихъ монастырей ⁴⁾. Когда же надлежало отправить на соборъ и *защитниковъ* православія, то тогда къ четыремъ епископамъ присоединили и гронхъ *Афонскихъ игуменовъ* ⁵⁾. Все это заставляетъ думать, что Афонъ XV вѣка, какъ по своимъ книжнымъ богатствамъ, такъ и по состоянію духовнаго просвѣщенія, занималъ исключительное положеніе въ восточной церкви.

Послѣ паденія Константинополя Афонъ остается непрежнему центромъ духовнаго просвѣщенія и главнымъ хранилищемъ богатствъ духовной письменности. Нерѣдко сюда удалялись на жителство знаменитые греческіе ученые, получившіе всестороннее образованіе въ западныхъ университетахъ и академіяхъ, которые поддерживали и распростра-

1) Рус переводъ этого посланія см. у Еп. Порфирія, Опис пер Пут. I, 2, ч. стр. 288—302.

2) Къ исторіи югославян. монаш. въ XIV ст. Душев Чт. 1871. I: ср. Т Флоринскій, Афонскіе акты. СПб. 1880, 2 стр.

3) Еп. Порфирій, Исторія Афона, III, 211 стр; ср. Радченко К. Религіоз и Лит. движеніе въ Болгаріи... Кіевъ 1898, 57 стр., и Сырку П. Къ Исторіи исправ. книгъ въ Болгаріи въ XIV в. СПб. 1898 ч. I, 55 стр

4) Иконниковъ В. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Кіевъ, 1869, 38 стр.

5) Еп. Порфирій, цит. соч. 180 стр.

пятн въ монастыряхъ Аѳонскихъ свѣтъ богословскаго образованія. Оттого-то многіе цюки Аѳонскихъ монастырей, по свидѣтельству путешественниковъ XVI в., стояли на высокой ступени духовнаго просвѣщенія ¹⁾.

Съ XVII вѣка слава Аѳона, какъ центра высшаго богословскаго образованія, начинаетъ меркнуть: интересъ къ образованію среди аѳонцевъ падаетъ ²⁾ и попытка въ подо-

¹⁾ Розовъ И. Очерки исторіи восточной церкви. Душеп. Чт. 1879; III 196 стр.

²⁾ Извѣстный французъ Беллонъ такъ отзывается о состояніи умственного просвѣщенія современныхъ ему Аѳонцевъ: „Аѳонскіе монахи почти все невѣжи. Ихъ шесть тысячъ. Но среди такого множества едва можно найти двухъ трехъ въ каждомъ монастырѣ, которые умѣютъ читать и писать“. (Еп. Порфирій, цит. соч. 535 с.). Отзывъ англичанина Рико въ общемъ повторяетъ только что сказанное выше: „изъ ста калуеровъ едва найдется одинъ грамотей Священники и діаконы у нихъ умѣютъ читать и писать, хотя и немногіе изъ нихъ понимаютъ еллинскій языкъ; даже самые способные между ними затрудняются объяснять богослужебныя рѣченія. Самые просвѣщенныя между ними почерпаютъ познанія только изъ творенія Св. Отцевъ и постановленія соборовъ своей церкви. Философія, математика и прочія науки, по ихъ мнѣнію, бесполезны для тѣхъ, которые ведутъ жизнь духовную, и которымъ запрещены все книги, кромѣ душеспасительныхъ. Они убѣждены въ томъ, что самое лучшее средство для прекращенія какой либо ереси есть сожженіе еретическихъ книгъ. У нихъ есть бібліотеки, но рукописи и книги тутъ покрыты пылью и служатъ пищею червямъ.“ (Еп. Порфирій, цит соч. 538 стр.).

Конечно, къ словамъ этихъ путешественниковъ нужно относиться довольно осторожно, ибо очевидно они не всегда вѣривали истину всего того, что говорили. Такъ, безъ сомнѣнія, ложны слова Беллона, приведенныя имъ изъ указанной характеристикъ просвѣщенія Аѳонскихъ монаховъ:—„епископы греческой церкви и патріархи, какъ враги философіи, погрозили отлученіемъ отъ церкви всемъ священникамъ и монахамъ, которые осмѣлились бы читать или сочинять какія либо книги, кромѣ церковныхъ и богословскихъ, да и мірянамъ виушили, что не позволено христіанамъ заниматься поэзіей и философією“.—Такого отлученія никогда не было объявлено. (Еп. Порфирій, цит. соч. 536 стр.).

Но, въ сущности, если откинуть преувеличенія въ цитованныхъ выше словахъ, дѣло съ просвѣщеніемъ на Аѳонѣ за этотъ періодъ всего вѣроятнѣе такъ именно и обстояло. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только обезпеченность въ матеріальномъ отношеніи давала монахамъ душевное спокойствіе и свободное время для учебныхъ занятій. Между тѣмъ, все доходныя имѣнія, которыми были надѣлены Аѳонскіе монастыри греческими, сербскими и болгарскими царями и князьями въ Македонія, Фракіи, островахъ; вся движимость и недвижимость монаховъ и монастырей, какъ-то: метохы, мельницы, огороды, виноградники, сады, нивы и прочее,—

винѣ XVIII в. возродить бывшее значеніе Аѳона не имѣеть успѣха:—извѣстная Аѳонская *Академія* (1753—8 г.) Евгенія Булгарска существовала всего только пять съ половиною лѣтъ.

Но не претендуя на славу центра *высшаго* богословскаго образованія, Аѳонъ все-же остается *единственнымъ*—съ уничтоженіемъ турками книжныхъ богатствъ—пунктомъ духовнаго просвѣщенія въ греческомъ и юго-славянскомъ мірѣ. Можетъ быть Аѳонъ въ это время уже не выступаетъ активно на этомъ поприщѣ ¹⁾, но онъ несомнѣнно поддерживалъ развитіе духовнаго просвѣщенія пассивно, такъ сказать. Громаднѣйшее преимущество въ данномъ случаѣ давалось Аѳону его богатыми библиотеками. Не смотря на постоянныя хищенія ²⁾, особенно со времени ученыхъ нашествій на Аѳонскія книгохранилища со стороны библиографовъ ³⁾, разрушительныя дѣйствія времени, сырости, человѣческой злобы ⁴⁾, не-

все это турецкимъ правительствомъ неоднократно, начиная съ Селима (съ 1568 года), были отбираемо и продаваемо, а монахи и монастыри обложены подушными и десятинными податями. Вслѣдствіе такого систематическаго грабежа на законномъ, такъ сказать, основаніи Аѳонскіе монастыри впали въ неоплатные долги. О монашеской бѣдности говоритъ извѣстный уже намъ англичанинъ Рико: „Аѳонскіе калуеры непрестанно жалуются на свою бѣдность“ (Еп. Порфирій, цит. соч. 296 стр.). О тяжелыхъ податяхъ, вносимыхъ Аѳонцами турецкому правительству, о поголодной бѣдности или, вѣрнѣе, нищетѣ Аѳонскихъ монастырей и монаховъ и ихъ неоплатныхъ долгахъ читаемъ и у нашего соотечественника Барскаго. Весьма понятно послѣ этого, почему уровень духовнаго просвѣщенія такъ сильно понизился въ указанный періодъ. Если еще въ XV и половинѣ XVI вѣка Аѳонъ считался главнымъ средоточіемъ духовнаго просвѣщенія въ восточной церкви, то въ XVII, особенно въ XVIII вѣкѣ Аѳонъ уже пережилъ свою славу въ этомъ отношеніи.

1) Хотя здѣсь были и писатели въ это время. Еп. Порфирій, цит. соч. 448—526 стр.

2) Напр.—Іоаннъ Ласкарисъ вывезъ отсюда на западъ до 200 рукописей, преимущественно древнихъ (Иконниковъ В., цит. соч. 38 стр.), библиотека канцлера Сегье (XVIII в.) на половину составлена была изъ мадускриптовъ Аѳонскихъ библиотекъ (Соколовъ И. О монашествѣ. . 517 стр.). Арсеній Сухановъ привезъ въ Москву 527 греческихъ и славянскихъ рукописей (С. Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, ч. I, 412—413 стр. Москва, 1891).

3) Арх. Леонидъ, Славяно-сербскія книгохранилища на Св. Аѳонской горѣ, Читенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1875, I, 32 стр.

4) Греки часто жгли доставшіяся имъ славянскія рукописи.

вѣжества, варварства ¹⁾),—не смотря на подобныя неблагопріятныя обстоятельства, не легко указать другое мѣсто среди восточныхъ монастырей, гдѣ было бы собрано такое множество книжныхъ сокровищъ.

Итакъ, при наличности всѣхъ этихъ давнихъ, трудно сомнѣваться въ томъ, что Аѳонъ имѣлъ просвѣтительное значеніе для всего православнаго востока и притомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Аѳонъ былъ свѣтомъ христіанскаго ученія, и это ученіе всегда было истинно, чисто, безъ порока или пятна; причемъ въ этомъ *православіи* Аѳонъ стоялъ твердо и непоколебимо. Въ неблагопріятные дни православной церкви, когда унія (Понская) съ Римомъ была принята вселенскимъ патріархомъ и Константинопольскимъ клиромъ, Аѳонъ, не смотря на мученія и явную смерть отъ латинявъ (въ октябрѣ 1280 г. ²⁾) остался вѣрнъ православію ³⁾; на Флорентійскомъ же соборѣ измѣнить одинъ только Ватопедскій апокрисіарій и притомъ не уполномоченный на такой шагъ Ватопедомъ ⁴⁾. Не привилось на Аѳонѣ и богомилство ⁵⁾.

Аѳонъ былъ, такимъ образомъ, не только *Святою* Горюю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ хранителемъ церковнаго преданія и христіанскаго просвѣщенія, неборимую твердней православія, Ватиканомъ Востока в).

Но при всемъ этомъ Аѳонъ имѣлъ *общенародное* значеніе: онъ былъ свѣтомъ міра.

И эта идея Св. Аѳанасія *общенародности* Аѳона, какъ мѣста поческихъ подвиговъ, осуществилась, повторяемъ, еще при жизни его. Привлекаемые быстро установившеюся репутацией высоконравственной жизни Аѳонскихъ иноковъ, къ Аѳанасію собралось до 3000 монаховъ изъ разныхъ странъ: изъ Греціи, Фессаліи, Египта, Македоніи, Фракіи, изъ придунай-

1) Турецкіе солдаты рукописями топили печи, бросали ихъ въ море, закапывали въ землю, рвали на ружейные пыжи и т. п. въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ своего пребыванія на Аѳонѣ (1821—30 г.).

²⁾ Еп. Порфирій, Исторія Аѳона, III, 111—112 стр.

³⁾ Тамъ же, 379 стр.

⁴⁾ Тамъ же, 181 стр.

⁵⁾ Тамъ же, 5 и 279 стр.

в) Соколовъ И. О монашествѣ... 216 стр.

елухъ областей, изъ Малой Азіи, Грузіи, Арменіи и Россіи 1) злись были и арабы и сирійцы, и абаски, и лазы, и влахи, и даже латиняне, прибывшіе въ самомъ концѣ X вѣка изъ Рима, Амальфи и Калабрии. Но особенно много было славянъ: они жили не только въ собственнo-славянскихъ монастыряхъ, но даже и въ греческихъ. Можно сказать, что не было ни одного крупнаго и болѣе или менѣе выдающагося по своимъ аскетическимъ подвигамъ или просвѣтительной дѣятельности монастыря, гдѣ не было бы славянина: русскаго, болгарина или серба. Такое обиліе славянъ (особенно южныхъ) объясняется отчасти счастливымъ географическимъ положеніемъ Св. Горы—АѦонъ находится на югѣ Македоніи, которая по своему этнографическому составу и въ настоящее время болѣе славянская, нежели какой либо другой народности, страна.

И этотъ притокъ на АѦонъ людей, ищушихъ или отдохновенія отъ житейскихъ бурь, или удобнаго мѣста для аскетическо-созерцательной жизни, людей изъ *всѣхъ* странъ христіанскаго міра, не прекращался все время АѦонской исторіи. Барскій,—путешественникъ XVIII вѣка, въ своемъ описаніи Карейскаго субботняго торго, говоритъ: „суть же (на горгу) отъ *различныхъ народовъ* и собесѣдуютъ различными языками, греческимъ, сербскимъ, болгарскимъ, турецкимъ, италянскимъ, албанскимъ и *иными*“.

Поселившіеся на АѦонѣ, эти народности,—въ особенности крупныя,—устраивали со временемъ уже собственные—національныя—монастыри. Такъ, латиняне основали Римскій или Каракальскій, по имени ктитора, римскаго монаха Антонія Каракалы, и Амальфискій, близъ Лавры Св. АѦанасія, грузины—Иверскій, болгары—Зографъ, сербы—Хиландарь, русскіе—Руссикъ и т. п. Эти то національные монастыри и послужили главнымъ орудіемъ международной просвѣтительной дѣятельности АѦона.

Живя у самаго источника Византійской учености, въ самомъ центрѣ религіозной, въ частности, монашеской жизни, постоянно сталкиваясь съ лучшими представителями той и другой, эти инородцы—въ особенности, конечно, еще малокультурные славяне, не могли не находиться подъ обаяніемъ

1) См. Порфирій, цит. соч. 7 стр.

этой жизни Аѳона. Они переводили, переписывали больше или меньше выдающіяся произведенія византійской литературы, чтобы передать все это на свою родину, весьма часто имѣли личное общеніе съ послѣдней, и стѣд вольно и неволью, такъ или иначе, по тѣмъ не менѣе незамѣтно и постоянно переливали свѣжіе соки въ религіозную, церковную жизнь своего народа, давая вмѣстѣ съ тѣмъ толчки и направленія его умственной жизни.

Отсюда понятно и безспорно вліяніе Аѳона на духовную жизнь сосѣднихъ народовъ, особенно же на жизнь славянъ, исторія которыхъ такъ необходимо переплетена съ исторіей Византіи 1).

И вотъ въ настоящемъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы остановить свое вниманіе на болѣе подробномъ выясненіи этого вліянія Аѳона на развитіе церковной жизни одного изъ славянскихъ народовъ, именно—сербовъ.

Если церковь была центромъ всей—литературной, общественной и политической—жизни балканскихъ славянъ вообще, то это въ особенности пужно сказать о Сербіи.—Сербія была воспитана, такъ сказать, въ рукахъ церкви. Ея политическія отношенія къ востоку и западу обусловливались преимущественно отношеніями религіозными. Когда наступила самая критическая минута ея исторіи, и народу предстоялъ выборъ между церковью и государствомъ, между папою и турками, то сербы предпочли турецкое иго измѣнивъ православію 2).

Въ виду такого преобладающаго вліянія церкви на развитіе всѣхъ сторонъ исторической жизни сербовъ, явной личности Византинизма на всемъ фонѣ ея, хотѣлось бы узнать,—насколько существенна была тутъ роль Аѳона. А роль эта могла быть и роковою, такъ какъ сербы, благодаря топографическому положенію своей земл.ш, не могли, подобно

1) „Вся политическая и культурная жизнь балканскихъ славянъ вплоть до вшествія турокъ настолько сплетена съ византійской исторіей и проникнута византійскими вліяніями, что византійско-славянскія отношенія въ первые десять вѣковъ славянской исторіи составляютъ сущность славянской исторіи“—говоритъ новѣйшій историкъ Сербіи Станојевић, Византија и срби, I, 111; Ж. М. Н. Пр. 1908, 18, 3 стр.

2) Будиловичъ А. Важнѣйшіе моменты юго-славянской исторіи Ж. М. Н. Пр. 1872, 159, 109. 130 стр.

болгарамъ, непосредственно, какъ ближайшіе сосѣди, входить въ соприкосновеніе съ Византійскою культурой. Единственнымъ и постояннымъ пунктомъ такихъ систематическихъ сношеній для нихъ быть только АѦонъ.

Первыя свѣдѣнія о сербскихъ монахахъ на АѦонѣ относятся къ 1090 г., когда сербы заняли Кеилургійскій монастырекъ, оставленный въ 1089 г. русскими иноками, перешедшими въ Пантелеимоновскій монастырь: но нужно думать, что сербы жили на АѦонѣ и раньше. Черезъ 80 лѣтъ количество сербовъ-инокъ увеличилось настолько, что пмъ въ Кеилургъ было уже тѣсно и они черезъ своего игумена Лаврентія просили (1169 г.) у Прота Св. Горы другого, большаго по размѣру, монастыря. Соборъ игуменовъ рѣшилъ дать сербамъ монастырь во имя Св. Пантелеимона. Затѣмъ въ исторіи сербскихъ инокъ произошло событіе, положившее начало цѣлой эпохи. Около 1180 года какіе-то святогорцы пришли къ великому жупану Стефану Неманю, самодержавному владѣтелю Дукліи, Далмаціи, Травуни, Босніи, Славоніи, Россіи и Иллирика, просить милостыни. У великаго жупана былъ 17 лѣтній сынъ Растко. Одинъ изъ приходившихъ святогорцевъ—„русинъ родомъ, инокъ непростъ, но искусень сказаемымъ“, настолько понравился молодому князю, давно чувствовавшему въ себѣ рвеніе къ монашеству, что тотъ открылъ свое сердце русину и уговорился съ нимъ ѡбъязать тайно отъ родителей на АѦонъ. Хотя посланные родителями въ погоню и застали Растко въ Пантелеимоновомъ монастырѣ еще не постриженнымъ, но въ слѣдующую же ночь, когда воины крѣпко спали, Растко съ однимъ изъ іеромонаховъ ушелъ въ башню монастыря и тамъ принялъ ангельскій образъ съ именемъ Саввы. Утромъ онъ сбросилъ съ башни посланцамъ „свои свѣтозарныя власы“ и княжеское одѣяніе и приказалъ отдать все это родителямъ его. Кончилась жизнь князя Растки и началось житіе монаха Саввы, который впоследствии сдѣлался архіепископомъ Сербіи.

Однако Савва скоро перешелъ въ Ватопедъ, которому, какъ равно и каждому АѦонскому монастырю, интересно было принять къ себѣ сына сербскаго самодержца. Сюда 2 ноября 1197 года прибылъ и престарѣлый отецъ его, сложившій съ

себя санъ великаго жунапа и уже постриженный въ сербскомъ Студенницкомъ монастырѣ подь именемъ Симеона. Здѣсь у нихъ явилось желаніе построить на Св. Горѣ *особый* монастырь для шюковъ сербскаго народа, чтобы приходящіе на Аѳонъ спасаться сербы находили тутъ для себя удобное пристанище. И вотъ Савва выпросилъ у своего родственника, греческаго царя Алексѣя III Ангелоса, полуразвалившійся и запустѣлый монастырь Хиландарь, привелъ его въ порядокъ и „прибѣжище створи общаго спасенія своему отечеству, сербскѣй земли“ 1). Тотъ же императоръ по просьбѣ ктиторовъ даровалъ Хиландарю право именоваться навсегда *царскимъ*, и въ выборѣ игумена и въ управленіи не зависѣть, подобно святогорскимъ обителямъ Амальфійской и Иверской, ни отъ святогорскаго Прота, ни отъ другихъ монастырей 2).

Сдѣлавшись сербскимъ *національнымъ* монастыремъ, общою задужиною 3) всѣхъ сербскихъ краевъ и царей, и поддерживая, такимъ образомъ, постоянныя связи съ Сербіей, Хиландарь оказалъ чрезвычайное, можно сказать, исключительное по своему значенію вліяніе на развитіе сербской національной церкви. На много вѣковъ онъ становится для сербовъ единственнымъ разсадникомъ ихъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія и литературной школой.

Начало этого вліянія было положено самимъ Саввою, организаторомъ самостоятельной національной сербской церкви. По кончѣннѣ своего родителя Савва прожилъ на Аѳонѣ еще восемь лѣтъ, но потомъ, вслѣдствіе завоеванія латинянами Константинополя и опасностей, начавшихъ угрожать Аѳону, онъ удалился въ Сербію, въ основанную Симеономъ Студе-

1) По выраженію грамоты Архіеп. Сербскаго Никодима 1322 г.; ср также выраженіе хрисовула краля Милутчна 1312 г.: „пристанище сътвори спасенію своего отъчства людѣмъ“

2) Или, какъ поясняетъ преп. Савва въ своемъ Уставѣ:—„свободлю быти светому семоу монастыроу одъ всѣхъ ту (на Аѳонѣ) владыкъ, и одъ Прота, и одъ иныхъ монастырь, и одъ особыхъ владыкъ, и ия подь кими же да есть правдами, ни царскими, ни црквиными, ни ивѣмъ ницѣмре, нь подь одною Прѣсветою Богородицею Наставницею и прѣблаженнаго и светаго отца нашего молитвою игуменуоущаго въ немъ“. А. Леонидъ. Описаніе Серб. Хиланд. Лавры, Читенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, 4. 3 стр.

3) Монастырь, построенный на вѣчный поминъ души.

ницкую Лавру, перенеся туда же и мощи отца. Въ этой Лаврѣ Савва пробылъ, поуждаемый просьбами своего брата и клира, въ качествѣ игумена до 1215 г., когда и возвратился на Св. Гору, намѣреваясь здѣсь окончить свои дни. Но случилось иное. Во время господства латинянъ въ Константинополь, латинскіе патріархи успили свои старанія о подчиненіи сербской церкви Римскому Престолу. Основаніе къ послѣдному давалъ даже самъ Стефанъ Первовѣщальный, искавшій въ этомъ подчиненіи опоры своему, не совсѣмъ твердому, престолу. Тогда Савва, пріѣхавшій по дѣламъ Хмландаря въ Никею, къ императору Θεодору Ласкару, откровенно объяснилъ ему и патріарху Герману затруднительное положеніе своей отечественной церкви, и просилъ ихъ назначить въ Сербію *самостоятельнаго* архіепископа. Такимъ архіепископомъ и былъ сдѣланъ въ 1222 году самъ Савва.

Для того, чтобы представить себѣ надлежащимъ образомъ все значеніе этого факта для сербской церкви, нужно предварительно припомнить состояніе этой церкви въ означенный періодъ.

Какъ извѣстно, сербы выселились изъ своей Прикарпатской родины за Дунай, въ Иллирикъ. Иллирикъ же въ вѣроисповѣдномъ отношеніи представлялъ ту именно область, гдѣ встрѣчались и перекрещивались два противоположныхъ вліянія, двѣ культуры—римская и греческая ¹⁾. Такъ, не смотря на близость южныхъ славянъ къ Византіи, не смотря и на то, что восточная церковь постоянно принимала дѣятельное участіе въ утвержденіи между сербами христіанства, земля сербская до XII вѣка (т. е. до Неманя) оставалась оффиціально въ области римской церкви, отъ которой сербы получили первое наставленіе въ христіанской вѣрѣ еще въ VII вѣкѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ поэтому сербская земля зависѣла болѣе отъ Рима, нежели отъ Византіи. Сербскіе князья и краи положительно признавали надъ собою власть папы и постоянно сносились съ нимъ,—они отъ папы получали и самое наименованіе королей. Главнѣйшій пастырь сербской церкви Архіепископъ Барскій (Антиварійскій) зависѣлъ отъ Рима и оттуда получалъ наліумъ и ему подчинены

1) Будиловичъ А. Важнѣйшіе моменты Ж. М. Н. Пр. 1872, 159, 127 стр

были епископства въ сербскихъ и албанскихъ предѣлахъ 1). Отъ Рима завистли также архіепископы полуиталианскихъ, полуславянскихъ городовъ Дубровина и Сплета, конечно имѣвшіе вліяніе на соседніе сербскіе края нынѣшней Герцеговины. Такое положеніе въ отношеніи къ римской церкви было причиной того, что православное исповѣданіе вѣры не приобрѣло у сербовъ безусловнаго господства, а, напротивъ, часто въ то время перевѣсъ оставался на сторонѣ католицизма.

Такимъ образомъ вліяніе католицизма въ сербской церкви несомнѣнно было: мы вправѣ говорить о немъ, какъ безусловномъ — въ предѣлахъ Адриатическаго приморья—и, —какъ весьма вѣроятномъ—въ церкви внутреннихъ сербскихъ земель, отчасти находившихся подъ вліяніемъ и восточной церкви—Византійской и Болгарской. Во всякомъ случаѣ, если до XII вѣка сербская церковь была еще *безспорною*, т. е. не возбуждала особыхъ притязаній со стороны Восточной или Западной церкви, то при Стефанѣ Первовѣнчанномъ она была уже весьма *желательною* для Рима.

(Сь другой стороны, самое существованіе христіанства въ Сербіи до XII вѣка было еще въ очень печальномъ состояніи: оно было слабо развито и слишкомъ поверхностно проникнуто въ народъ, равнодушно подчинившійся христіанству еще въ VII вѣкѣ. Князья и власти, а равно жители приморскихъ городовъ, конечно, исповѣдывали христіанскую вѣру, но масса народа въ своихъ горахъ оставалась въ полужыческомъ состояніи, не имѣя ни церквей, ни монастырей, ни епископовъ 2).

При всемъ этомъ и такое слабое христіанство было не свободно отъ еретическихъ примѣсей: въ Сербіи при предшественникахъ Стефана Немани утвердилась, подобно тому какъ въ Босніи, ересь патареновъ 3).

Таково было положеніе сербской церкви наканунѣ XII вѣка:

1) Гильфердингъ А. Собраніе сочиненій, т. I, Исторія Сербовъ и Болгарь, СПб. 1868, 238 стр.

2) Гильфердингъ А. Собраніе сочиненій, т. I, 258 стр.

3) Голубинскій Е. Е. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, Москва 1871 г. 453 стр.; „бабушка рѣчь“—Еп. Гермогенъ, Очеркъ исторіи славянскихъ церквей СПб. 1899, 34 стр.

она была большею частью католическою, еретическою и языческою.

Но, какъ извѣстно, родъ Неманичей въ лицѣ своего основателя положилъ рѣзкую грань въ исторіи Сербіи. Утвержденіемъ самостоятельности въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ сербскаго народа, приобрѣтенной Стефаномъ и его сыномъ Саввою, было дано совершенно новое направленіе во всей вообще сербской исторіи. Стефанъ былъ первымъ *православнымъ* „Первовѣнчаннымъ“ сербскимъ *королемъ*, св. Савва былъ первымъ *православнымъ* *Архіепископомъ* автокефальной сербской національной церкви.

Теперь, со времени св. Саввы теченіе церковной жизни сербовъ входитъ въ *совершенно новое* русло: Церковь становится православною (т. е. греко-восточнаго вѣроисповѣданія) и христіанскою:

Посвященіе Саввы въ Никсѣ въ 1222 году отъ греческаго патріарха Германа разсматривается, конечно, какъ фактъ окончательнаго преобладанія Византіи въ дѣлахъ сербской церкви.

Фактъ просвѣщенія свѣтомъ христіанства язычествующей массы центральныхъ областей тогдашней Сербіи засвидѣтельствованъ въ исторіи сербской церкви привнесеніемъ къ имени св. Саввы эпитета—„просвѣтителя“ Сербіи ¹⁾. Особенно ярко эта послѣдняя сторона пастырской дѣятельности св. Саввы отмѣчается въ грамотѣ Архіеписк. Никодима 1322 года, гдѣ Савва называется *Апостоломъ* сербской земли, учителемъ ея: „Отецъ нашъ Савва, глаголю, первый Архіепископъ или скорѣе рещи и Апостоль и учитель своему отечеству Серпсцѣй земли“ ²⁾; „Божіе челоувѣколюбіе... (Савву) къ Серпсцѣй земли, къ своецплеменникомъ, къ намъ посылаетъ... отъ прелести

1) Правда, до нѣкоторой степени о выполненіи этой задачи заботился самъ Стефанъ Неманя, какъ объ этомъ заявляетъ св. Савва въ письмѣ къ стцу: „ты сове, шилъ въ своемъ земномъ царствѣ апостольскій подвигъ, просвѣтилъ православіемъ людей своей земли, изгналъ волковъ ереси, низвергъ бѣсовскіе храмы, воздвигъ церкви Богу, научилъ почитать Сына, равнаго Отцу и сопредельнаго Духу“. (Проф. Погодинъ, Исторія Сербіи, СПб. 1909, 41 стр.). Но тѣмъ не менѣе вся тяжесть этого подвига вынесена была на плечахъ самого Саввы, какъ духовнаго вождя своего народа.

2) Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1867, 4, 49 стр.

идольскіе и печистыхъ и мерзкихъ жертвъ, бѣсовскихъ капищъ, насъ избавити" 1). Самое начало существованія Великой Сербской Церкви приписывается ему: „(церковь) юже не бывшую прежде оиъ възвиже" 2).

Итакъ, Сербія самой великой и цоренной реформой своей церкви, поставившей ее на совершенно новый курсъ теченія духовной жизни, всецѣло и пераздѣльно обязана Св. Саввѣ, постриженнику и подвижнику Аѳона, основателю Хиландаря.

Но размѣры услугъ, оказанныхъ Св. Саввою отечественной церкви, означеннымъ фактомъ не ограничиваются. Св. Савва былъ не только просвѣтителемъ сербовъ, но и первымъ организаторомъ ихъ церкви. Первые формы церковнаго устройства—въ видѣ насажденія іерархіи и монашества, какъ живыхъ факторовъ релігіозно - правственнаго просвѣщенія страны, и распространенія церковной книжности, какъ пособія къ этому просвѣщенію—даны были тѣмъ же Саввою.

Но и здѣсь за личностію Саввы скрывается все тотъ же Аѳонъ, въ частности— Хиландарь, такъ какъ весь необходимый для означенной организаціи матеріаль—и первая іерархія, эта ближайшая и непосредственная соудружница Св. Саввы,—и монашество, и такъ нужная для богослуженія книжность,—все это, какъ засвидѣтельствовано въ исторіи, было взято, пересажено, такъ сказать, съ Аѳона, изъ Хиландаря.

Со смертію Саввы сношенія сербской церкви съ Аѳономъ не прекращаются. Наоборотъ, просматривая всю дальнѣйшую исторію этой церкви, мы убѣждаемся въ непрерывномъ тяготѣніи ея къ Аѳону всѣми сторонами своей жизни.

Возьмемъ іерархію. Основанія св. Саввою 8, а по другимъ извѣстіямъ—13 епископскихъ кафедръ были замѣщены природными сербамъ, приглашенными изъ Хиландарскаго Аѳонскаго монастыря 3). Но этимъ позанмствованіемъ связь съ Аѳономъ не покончилась. Въ списокъ дальнѣйшихъ сербскихъ Архіепископовъ можно отмѣтить не мало лицъ, кото-

1) Тамъ же, 53 стр.

2) Тамъ же, 54 стр.

3) Проф. Погодинъ, Исторія Сербіи. 47 стр; ср Аѳонскій Патерикъ, СПб. 1876, ч I, стр. 216—218.

рыя предварительную иноческую школу прошли на Аѳонѣ, въ Хиландарѣ. Такъ, изъ преемниковъ преп. Саввы сперва на игуменствѣ Хиландарскомъ, а потомъ и на Архіепископскомъ престолѣ Сербіи въ XIII—XIV вв. извѣстны:

1. Савва II, братъ краля Стефана Уроша, сынъ Стефана Первовѣчаннаго и племянникъ св. Саввы, довольно долгое время жилъ въ Хиландарѣ, и даже по нѣкоторымъ сказаніямъ управлялъ обителію. Посвященъ былъ въ Архіепископы сербскіе около 1262 г. ¹⁾

2. Іоанникій, ученикъ предшествовавшаго Архіеп. Саввы II, былъ экономомъ Хиландарской Лавры, а потомъ игуменомъ ея съ 1263 и до 1272 г., когда былъ поставленъ Архіепископомъ сербскимъ

3. Евстафій I, до своего выбора въ Хиландарскіе игумены долго проживалъ въ названной Лаврѣ инокомъ: Архіепископомъ—съ 1275 г.

4 Савва III, занимавшій Архіепископскій престолъ съ 1309 по 1316 г., былъ постриженцемъ и игуменомъ Хиландаря.

5. Никодимъ (1316—1323 г.), поставленный въ Архіеп. изъ игуменовъ Хиландарскаго монастыря ²⁾.

6 Даниилъ II, бѣжавъ въ юныхъ лѣтахъ въ монастырь, былъ потомъ игуменомъ Хиландаря, а съ 1323 г. занималъ Архіепископ. кафедру.

Такимъ образомъ изъ 12 Архіепископовъ автокефальной сербской церкви—семь изъ нихъ, считая въ томъ числѣ и св. Савву, вышли изъ стѣнъ Хиландарскаго монастыря.

Правда, эти свѣдѣнія о *непосредственной* связи сербской іерархіи съ Аѳонскимъ Хиландаремъ доходятъ только до патріарнаго періода сербской исторіи, про іерарховъ котораго сказать что либо въ нужномъ намъ смыслѣ положительное или отрицательное (за отсутствіемъ определенныхъ извѣстій о нихъ вообще)—нельзя ³⁾ Но можно думать, что эта связь продолжалась и въ это время, хотя можетъ быть

¹⁾ Голубинскій Е. Е. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей. Москва 1871, 457 стр

²⁾ Голубинскій Е. Е. цит соч 459 стр

³⁾ Сербскій Родословъ, какъ извѣстно, содержитъ свѣдѣнія только о трехъ первыхъ патріархахъ; о послѣдующихъ патріархахъ сохранились лишь одни имена—Голубинскій цит соч 456 и 476 стр

и не такъ часто выражалась, какъ раньше. Такъ напр., можно указать на Макарія I (1557—1574 гг.), одного изъ дѣятельнѣйшихъ патріарховъ времени турецкаго ига, обповѣдившаго много монастырей и монастырскихъ школъ, и устроившаго нѣсколько типографій ¹⁾,—какъ на патріарха изъ бывшихъ игуменовъ Хиландаря. Если же даже и допустимъ, что такой прямой, понимаемой въ смыслъ предварительнаго прохожденія іерархами сербской церкви споческой школы на Аѳонъ, связи за этотъ періодъ и не сохранилось, то уже одинъ тотъ фактъ, что въ первое столѣтіе существованія самостоятельной сербской церкви, когда собственно и складывался характеръ церковной жизни и направлялся ходъ ея развитія,—Аѳонъ давалъ своихъ представителей въ качествѣ высшихъ іерарховъ этой церкви:—одинъ этотъ фактъ даетъ право Аѳону на исключительное значеніе въ судьбахъ сербской церкви

Это значеніе несомнѣнно усилится, если мы примемъ во вниманіе и остальные стороны жизни этой церкви: ихъ ростъ, какъ увидимъ, имѣетъ органическую связь съ Аѳономъ.

Сербское монашество, какъ живой факторъ религіозно-нравственнаго развитія общества, и какъ очагъ умственного, гочіе, книжнаго просвѣщенія народа, своимъ происхожденіемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ всецѣло обязано Аѳону. Правда, свѣдѣнія о сербскомъ монашествѣ крайне ограничены: они касаются главнымъ образомъ внѣшней ея стороны—построенія или благоустроенія монастырей, по все же мы можемъ говорить о тождествѣ сербскихъ аскетическихъ идеаловъ съ Аѳонскими. Дѣлать такіе выводы позволяетъ самая исторія сербскихъ монастырей. Именно, здѣсь мы должны отмѣтить то явленіе, что все старанія создать новые монастыри на сербской территоріи или возстановить старые, исходили отъ людей или лично поддержавшихъ глѣсныя сношенія съ Аѳономъ (будучи постриженцами или игуменами Хиландаря), или же—находившихся подъ правственнымъ обаяніемъ его ²⁾

¹⁾ Погодинъ, цит. соч. 96 стр; Голубинскій, цит. соч. 478 стр.

²⁾ Монастырей въ древней сербской церкви было не мало: вся, такъ называемая, Стара Сербія и доселѣ усяана развалинами древнихъ монастырей отъ Новаго Пазара и до Призрена—Еп. Гермогенъ, Очеркъ исторіи славянск. церквей, СПб. 1899 47 стр.

Основаніе сербскому монашеству и, конечно, въ духѣ Аеоно-реческихъ традицій, положено было, какъ уже сказано, самимъ Саввою, устроившимъ въ своей епархіи по счету Раича ¹⁾ 12 монастырей. Хотя *первый* сербскій (Студеницкій) монастырь выстроенъ былъ еще до архіепископства Саввы, но тѣмъ не менѣе и онъ былъ реформированъ Саввою, который далъ ему новый уставъ по образцу Хиландарскаго Типика 1200 года ²⁾. Жичскій же монастырь, предназначенный для мѣстопробыванія сербскихъ архіепископовъ ³⁾, отстроенъ былъ уже въ архіепископство Саввы (1224 г.).

Изъ пріемниковъ Св. Саввы по святительской кафедрѣ, какъ основатели или возстановители монастырей извѣстны—Даніилъ II (1337 г.) и Макарій (1557—74 г.), а они, какъ уже было сказано раньше, предварительную, до своего избранія на первосвятительскій столъ, иноческую школу проходили въ Хиландарскомъ монастырѣ: оба были даже игуменами его.

Дечанскій монастырь (въ 15 верстахъ отъ Печь-Ипекки), бывшій во время турецкаго владычества однимъ изъ главныхъ храмовъ православія, окончательной стройкою (въ 1335 г.) при Стефанѣ Душанѣ ⁴⁾, государѣ, какъ извѣстно, особенно близко стоявшемъ къ Святой Горѣ.

Последній сербскій деспотъ Стефанъ Лазаревичъ построилъ Рождественскій монастырь на рѣкѣ Далла (въ теперешнемъ Пожаревацкомъ округѣ), но построилъ его исключительно для монаховъ—Аеоонскихъ выходцевъ: и—исключительно съ просвѣдательскими цѣлями, находясь подъ обаяніемъ высококультурной нравственной жизни Аеоонцевъ.

Монастырь Раваница (въ Ресавскомъ округѣ), извѣстный въ исторіи исправленія сербскихъ богослужебныхъ книгъ, былъ основанъ тѣмъ же Стефаномъ для монаховъ „книжныхъ“, среди которыхъ несомнѣнно были и Хиландарцы, научный авторитетъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, высоко цѣнился деспотомъ.

¹⁾ Раичъ, Исторія Сербіи, 71 стр.

²⁾ Этотъ Уставъ послужилъ образцомъ и для остальныхъ сербскихъ монастырей—Голубинскій, цит. соч. 503 стр.

³⁾ Майковъ, Исторія Серб. яз., 221 стр.; Голубинскій, 461 стр.

⁴⁾ Флоріанскій Т. Памятники Законодательной дѣятельности Душана. Цивль, 1-87 г. 94 стр.

Даже Печскій (въ г. Печь-Ипекъ Старой Сербіи) монастырь мы не имѣемъ права исключить изъ подъ этого вліянія Аѳона. Хотя его основатель (второй сербскій Архіепископъ Арсеній) и не былъ Аѳонцемъ въ собственномъ смыслѣ (т. е. по постриженію или иноческимъ подвигамъ), но духомъ Аѳонскаго монашества бытъ несомнѣнно былъ пропитанъ. До своего избранія на кафедру Арсеній былъ епископомъ Жичскаго монастыря, отстроеннаго самимъ Саввою.

Итакъ, всѣ извѣстные и важные по своему значенію для исторіи сербскаго монашества монастыри, основанныя до паденія политической самостоятельности сербовъ, связаны такими крѣпкими и непосредственными нитями съ Аѳонскими монастырями (преимущественно съ Хиландаремъ), что едва ли послѣ этого можетъ быть сомнѣніе въ наличности прямого вліянія Аѳонскаго монашества на строй монашеской жизни Сербіи.

Свѣдѣнія о вліяніи Аѳона на сербское монашество въ дальнѣйшемъ (съ 1459 г.) періодѣ сербской исторіи не имѣется. Но вѣдь это былъ періодъ самый несчастливый для сербской церкви вообще, а для развитія сербскаго (считая въ томъ числѣ и Хиландарь) монашества въ особенности неблагоприятный (съ потерей политической самостоятельности, когда были отняты у монастырей ихъ метохіи, земли, села, виноградники и пр. главные источники ихъ доходовъ — матеріальное благосостояніе пало, самые монастыри или разрушались или отбирались: монахи разбѣгались). Даже Хиландарь—царская задужбина—этотъ, находившійся въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, сравнительно съ прочими сербскими монастырями, монастырь въ указываемый періодъ заглохъ и доходилъ даже до послѣдней степени матеріальнаго упадка: у него въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка были „заговорены даже врата“, т. е. онъ былъ временно прикрытъ. Но для насъ важно и то, что въ предшествующую эпоху, эпоху самостоятельной политической жизни сербскаго народа и широкаго развитія монашества, — Аѳонъ имѣлъ исключительное вліяніе на послѣднее: какъ на идею аскетизма, такъ и на внѣшнія формы его обнаруженія.

Связь сербской церкви съ Аѳонскимъ Хиландаремъ и вліяніе его на развитіе церковной жизни всего яснѣе и нагляднѣе устанавливается исторіей распространенія сербской церк-

ковной княжности. Вліяніе АѦона въ этой области является настолько существеннымъ, что безъ преувеличенія можно сказать:—вся исторія сербской литературы есть воспроизведеніе АѦонской славянской письменности.

Какъ извѣстно, средневѣковые монастыри православнаго востока, кромѣ живого нравственнаго воздѣйствія на окружающую массу, преслѣдовали умышленно просвѣтительныя цѣли: монастыри были и разсадниками княжнаго просвѣщенія. Выстроенные по АѦонскому образцу, сербскіе монастыри такія задачи выполняли еще со времени Саввы, считающагося и доселѣ покровителемъ просвѣщенія. Въ монастыряхъ, устроенныхъ Саввою, по свидѣтельству Раича: „кромѣ юношъ къ духовному чину готовящихся, равнѣ и мѣрѣти сербы наставляеми были“¹⁾ Но является вопросъ: откуда эти монастыри могли взять научныя (княжныя) средства, монастыри того невѣжественнаго, полудикаго, не приобщеннаго еще европейско-византійской культурѣ, полуязыческаго народа, у котораго до Неманичей не существовало совсѣмъ никакой литературной дѣятельности? 2). Единственнымъ источникомъ, естественно, могъ быть тотъ же АѦонъ, откуда они приняли и зачатки церковной жизни вообще. Ясно, что эти, построенные на сербской землѣ, монастыри свѣтили не своимъ свѣтомъ: они отражали свѣтъ АѦонскихъ монастырей, преимущественно національнаго Хиландаря, бывшаго, въ свою очередь, отраженіемъ греческаго просвѣщенія. „Въ самомъ Хиландарѣ, говоритъ Ягичъ, жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправленія монастырскихъ обѣтовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. Въ Хиландарскомъ монастырѣ всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ: лучшіе или драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ“³⁾.

Самый состав литературы сербовъ говоритъ о томъ, что между АѦонскимъ Хиландаремъ и сербскою церковію на всемъ почти протяженіи ея исторіи, существовала такая

1) Раичъ, Исторія Сербіи, 71 стр.

2) Гальфердингъ, Сочиненія, т. I, стр. 238.

3) Ягичъ, Исторія сербо-хорват. литер., 182 стр.

тѣсная литературная связь, какую только возможно представить себѣ въ исторіи письменности вообще. Если мы не будемъ даже давать общей характеристикѣ сербской письменности, изображенія ея постепеннаго движенія и злїянїя на ходъ церковной жизни, то одного только голаго библиографическаго перечня писателей и переводчиковъ, съ обозначеніемъ ихъ сочиненій и переводовъ, исполнѣ достаточно для того, что бы наглядно убѣдиться въ томъ, что Аѳонскій Хиландарь былъ центромъ древне-сербскаго просвѣщенїя.

Прежде всего должно указать на произведенія самаго основателя сербской литературы Св. Саввы. Къ числу самыхъ раннихъ его произведеній относится Карейскій Типикъ (1199 г.), представляющій собою уставъ иноческаго житїя для основаннаго имъ самимъ маленькаго монастыря или скита Карейскаго (такъ называемой Тишикаршицы). Въ извѣстной Карейской келліи появился и другой, сродный съ первымъ, трудъ Саввы. Именно, Хиландарскій Типикъ (1200 г.), представляющій, впрочемъ, строго говоря, не самый Типикъ, а лишь „прологъ“ къ нему, переведенный болѣе или менѣе буквально съ греческаго „Пролога“ къ Типику Еввергетидскаго монастыря ¹⁾. Этотъ Типикъ, что весьма важно для исторіи сербскаго монашества, былъ приспособленъ къ нуждамъ Студеницкаго монастыря. Св. Саввѣ приписываютъ ²⁾ также краткое житіе его отца Стефана Немани, когда же послѣдній былъ причисленъ къ лику святыхъ, то, по благословенію Хиландарскихъ монаховъ, Савва написалъ „каноны ему и стихеры и чудотворенїя его“ ³⁾. Послѣ представленїя своего въ Архіепископы, Савва озаботился прїобрѣсти отъ грековъ „книги многи законныя о исправленїи вѣрѣ, нхже требоваше соборная ему церкви“, между которыми прямо извѣстна Кормчая книга, переведенная съ греческаго языка на сербскій или имъ самимъ, или по его порученію.

Продолжателемъ Саввы на этомъ поприщѣ былъ его ученикъ и спутникъ въ благочестивыхъ странствованїяхъ къ

1) Журн. Мин Нар. Просв 1908, 18 ч., 22 стр.

2) Голубинскій, Краткій очеркъ . . . 503 стр

3) Голубинскій, цит соч 503 стр.

Палестинскимъ святымъ мѣстамъ, іеромонахъ Хиландарскій, духовникъ Хиландарской братіи и настоятель Карейскаго скита ¹⁾, знаменитый Диметіанъ. Ему принадлежатъ: Житіе Саввы, написанное отчасти по собственнымъ воспоминаніямъ, отчасти по рассказамъ другихъ въ 1242 г., и Житіе Стефана Немања (1264 г.). Современникомъ Диметіана былъ и другой писатель Житія Св. Саввы—Хиландарскій монахъ Теодоръ, по прозванію Грамматикъ. Ему принадлежитъ перепись (1263 г.) по сербски болгарской рукописи „Шестоднева“ Іоанна Эвзарха ²⁾.

Въ XIV вѣкѣ представителями сербской литературы являются тѣ-же самые Хиландарцы. Такъ, Никодимъ (1316—23 г.) поставленный въ Архіепископа сербскаго, какъ указано выше, изъ Хиландарскихъ игуменовъ, перевелъ съ греческаго и ввелъ въ Сербію въ употребленіе Типикъ Св. Саввы іерусалимскаго. Самымъ выдающимся сербскимъ писателемъ XIV в. былъ Архіепископъ Данилъ II (1323—37 г.), изъ Хиландарскихъ игуменовъ, который написалъ Житія королей и архіепископовъ сербскихъ;—произведеніе, съ дополненіями послѣдующихъ анонимныхъ біографовъ, составившее такъ называемый сербскій Царственикъ или Родословъ. Помимо этого труда, Данилу принадлежали безъ сомнѣнія и еще многіе другіе, ибо онъ представляется своимъ ученикомъ анонимнымъ біографомъ, какъ авторъ „многихъ книгъ“ ³⁾. Къ числу сербскихъ писателей XIV же столѣтія нужно отнести и Афонскаго іеромонаха Исаю, который въ 1371 году, по прошенію и пайму митрополита Сѣрскаго или Срезскаго Θεодосія, перевелъ творенія Св. Діонисія Ареопита съ толкованіями Св. Максима Исповѣдника. Правда, относительно національности Исаи существуютъ разногласія, причѣмъ по мнѣнію однихъ изслѣдователей онъ признается ученикомъ болгарскаго патріарха Евфимія ⁴⁾, а по мнѣнію другихъ—сербомъ ⁵⁾, но для насъ важно, собственно, со-
 1) Тамъ же, 504 стр.
 2) Еп. Порфирій, Исторія Аѳона, ч. III, 115 стр.
 3) „Книги многочисленныя составлялъ и избрѣталъ, прежде небывшія николѣже“, говорится про Архіепа Данила въ Родословѣ. Голубинскій. Цвт. соч. 507 стр.
 4) Журн. Мин. Нар. Просв. 1908, 18, 29 стр.
 5) Некрасовъ, Пахомій Логофеть, 8—9 стр.

Исаія былъ Аѳономъ и на Аѳонѣ совершилъ свой трудъ для сербской церкви. Предъ 1371 г. онъ переводилъ еще какія то другія книги, которыя въ настоящее время остались неизвѣстными¹⁾.—Знаменитый Григорій Цамблакъ былъ писателемъ и сербовъ, для которыхъ онъ написалъ: Житіе Стефана Дечанскаго, и Извѣстіе о перенесеніи мощей Неракевы Терновской изъ Болгаріи въ Сербію.

Такимъ образомъ, XIV вѣкъ былъ особенно благопріятнымъ временемъ для развитія сербской письменности на Аѳонѣ и понятно почему. Вѣдь въ это время Сербія, благодаря завоеваніямъ Стефана Душана, поднялась на необыкновенную высоту политическаго могущества²⁾. Внутренняя жизнь ея тоже сильно шагнула впередъ по пути духовнаго развитія за тѣ 25 лѣтъ, когда во главѣ государства стоялъ Стефанъ „милостивый паче мѣры, кроткій, долготерпѣливый, украшенный мужествомъ и красотою тѣла“, какъ величають его панегиристы, оставившіи замѣтку въ одной изъ рукописей Хиландаря. Съ другой стороны, Стефанъ заявилъ себя щедрымъ покровителемъ Аѳона, богато одаривъ весь его монастыри во время своего посѣщенія въ 1347 году. Нашли въ сербскихъ монаховъ на Аѳонѣ въ это время настолько успѣхъ, что Хиландарь не былъ уже въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ, почему сербы вынуждены были приобрести другіе монастыри (Свято-Павловскій, Дохиаръ, Григоріатъ и др.)

Царствованіе Стефана Душана было самой блестящей эпохой въ исторіи Сербіи. По смерти его великое сербское царство распалось, по выраженію Кайтакузена, — „на тысячу кусковъ“. Но противъ всякаго ожиданія значеніе Аѳона, какъ литературнаго центра для сербской письменности, за это время не только не упало, но, наоборотъ, оно болѣе усилилось. Въ самомъ дѣлѣ, при всеобщемъ разореніи³⁾

1) Голубинскій, цит. соч. 507 стр.

2) Въ 1345 году Стефанъ владѣлъ всей Македоніей, кромѣ Солуни, всей Албаніей и Эпиромъ; въ нѣкоторой зависимости отъ него находилась Болгарія, грепегала предъ нимъ Боснія, и заискивалъ Дубровникъ; въ 1348 году ему принадлежали уже Этолія, Акарнаниа и Фессалія.—Шогодинъ, цит. соч., 74 стр.

3) Такъ описываетъ печальное состояніе сербской земли послѣ знаменитой битвы на рѣкѣ Маричѣ извѣстный монахъ Исаія въ припискѣ

страны, Афонъ, по своей матеріальной обеспеченности и богатомъ литературномъ или книжномъ запасѣ, представлялъ собою единственное мѣсто для спокойной и плодотворной книжно-просвѣтительной дѣятельности въ пользу сербской церкви.

И дѣйствительно, когда деспотъ Стефанъ Лазаревичъ—знатокъ греческаго языка и авторъ нѣсколькихъ памятниковъ¹⁾, задумалъ обогатить сербскую литературу новыми переводами, то только на Святой Горѣ онъ могъ найти способныхъ выполнить эту задачу лицъ. Это видно изъ факта перенесенія Евтошиса Іоанна Зошары, которую Стефанъ перенесъ для означенной цѣли въ Хиландарь іеромонаху Тимошею, поручившему это дѣло въ свою очередь Монаху Григорію²⁾. Но отмѣченный фактъ не единственный: въ это время трудился для деспота въ качествѣ перепищика еще болгаринъ Герасимъ, а черезъ четыре года другой монахъ Гавріиль въ томъ же Хиландарѣ перевелъ Толкованіе Олимпіадора на книгу Іова. Афонскими перепищиками, за недостаткомъ собственныхъ, Стефанъ пользовался неоднократно и потомъ Такъ, около 1421 г. онъ вызывалъ съ Афона въ Сербію одного монаха, который въ Любостинской пустыни переписалъ по порученію деспота Евангеліе, а потомъ—(Су-

въ своему переводу сочиненій Діонисія Ареопагита: „по всѣмъ городамъ и странамъ Запада (т. е. на Балканскомъ полуостровѣ) распространилось такое несчастье, такая бѣда, что ни ухо никогда не слышало ни о чемъ подобномъ, ни глазъ ничего подобнаго не видѣлъ“. Къ опустошеніямъ, произведеннымъ турками, присоединились другія бѣдствія „Повсюду наступилъ такой голодъ, какого не было отъ сотворенія міра, и дай Богъ, чтобы никогда не было другой разъ. А на тѣхъ, кто спасся отъ голодной смерти, нападали, попушеніемъ Божіимъ, ночью и днемъ волки и поѣдали ихъ. Осталась земля совершенно пустой, безъ людей, безъ животныхъ, безъ всякаго рода, и не было ни князя, ни вожда, ни наставника между людьми, и некому было спасти и избавить“ Погодинъ, Исторія Сербіи, 81 стр.

¹⁾ Онъ, по свидѣтельству сербскихъ лѣтописцевъ, „многа писанія превдѣ отъ грѣчскихъ писаній паче инъхъ прѣжде бывшихъ того“. Голубинскій, цит. соч. 509 стр; ср Чт. въ Общ. Ист и Древн. Росс. 1867, 4, 122 стр.

²⁾ Этотъ фактъ Сырку въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи литературныхъ сношеній“ такъ именно и объясняетъ, т. е. что деспотъ у себя не имѣлъ еще изъ то время людей, которые могли бы совершить это дѣло у него“. Жур. Мин. Нар. Просв 1908, 18. 33 стр

дей, Левитъ, Второзаконіе, пять книгъ Моисея и Зонару. По окончаніи этой работы, Стефанъ убѣдилъ монаха не покидать Сербіи и даже построилъ для него Рождественскій монастырь на рѣкѣ Дална, гдѣ собралось скоро до 35 монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые были выходцами съ Аѳона. Этимъ же монахомъ, по мнѣнію Сырку ¹⁾, была написана для библиотеки Стефана Лѣствица Іоанна Климаса. За годъ (1426 г.) до смерти Стефана нѣкій монахъ Іаковъ перевелъ на Святой Горѣ Шестодневъ Іоанна Златоуста.

Наконецъ, въ княженіе этого же Стефана Лазаревича значеніе Аѳона для исторіи сербской письменности сказалось и косвеннымъ образомъ, именно чрезъ болгарь. Въ „Словесахъ краткихъ избранныхъ отъ книги Константина философа Костенчьскаго“ говорится о добрыхъ изводахъ *ресавскихъ* ²⁾. Ресава—округъ или уѣздъ въ Сербіи, находящійся въ северо-восточной части ея между рѣками великою Моравою и Млавою ³⁾. Здѣсь десцотъ Стефанъ построилъ монастырь Раваницу и, помѣстивъ въ немъ монаховъ „книжныхъ“ ⁴⁾ поручилъ имъ исправленіе славянскаго текста Св. Писанія и книгъ богослужебныхъ. О „добрыхъ книжныхъ изводахъ“ этихъ ресавскихъ монаховъ и упомянулъ современникъ ихъ Константинъ философъ Костенчьскій, вызвавши упомянутымъ десцотомъ изъ Болгаріи и примѣнивши въ сербской письменности принципъ Евфиміевскаго правописанія. Трактатъ Константина „сказаніе о письменехъ“ положило начало этой литературной школѣ „ресавскаго“ письма которая представляла своеобразный компромиссъ правописанія сербскихъ книгъ съ орфографическими приѣмами Евфимія ⁵⁾. Такимъ образомъ, Аѳонъ и тутъ, чрезъ Евфимія и его ученика ⁶⁾ Константина Костенчьскаго, сыгралъ вли-

1) Тамъ же, 34 стр.

2) Голубинскій, цит соч. 509 стр. О изводѣ „старыхъ прѣводникъ Ресавскихъ, не имущаго ни что же порока“—говоритъ послѣсловіе Хиландарскаго Апостола 1660 г. (см. Чтенія 1867, 4, 121 стр.) и Апостола 1636 г. найденнаго Еп. Порфиріемъ въ библиотекѣ Павловскаго А. монастыря (Перв. Пут., Отд. 2, ч. I, стр. 16).

3) Тамъ же, стр. 19.

4) „Собра же и множество иноковъ боголюбезныхъ.. и множество книгъ“—Раичъ, Истор. Слав. Народ. ч. III, стр. 113—114.

5) Журн. Мин. Нар. Пров. 1908, 18, 31 стр.

6) Хотя нужно думать, что подъ „книжными“ людьми были несомнѣн-

ную роль въ исторіи сербской церкви, много способствуя исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ Сербіи, искаженныхъ, благодаря невѣжеству сербскихъ переписчиковъ. до того, что въ нихъ содержались даже *хулы* ¹⁾.

Высокая репутація АѦонскихъ иноковъ, какъ хорошихъ переводчиковъ и переписчиковъ, не падаетъ и въ глазахъ сѣдующаго деспота Юрія Бранковича. Такъ, когда этому деспоту потребовалось исправить текстъ древняго Симеоновскаго перевода Лѣтвицы, то онъ пригласилъ въ свою столицу Смедерево старцевъ изъ Хиландаря, блестяще выполнившихъ свою задачу.

Такимъ образомъ, одно только простое перечисленіе крупныхъ сербскихъ переводовъ и литературныхъ работъ вообще сдѣланныхъ на АѦонѣ, или АѦонцами въ Сербіи въ періодъ сербской политической независимости, само собою говоритъ о неотдѣлимости древне-сербской литературы отъ АѦонской книжной письменности. Родиной древне-сербской литературы были АѦонѣ.

Во время турецкаго владычества значеніе АѦона въ этомъ отношеніи падаетъ. Естественно, что прекращеніе щедрой помощи со стороны сербскихъ деспотовъ АѦонскимъ монастырямъ вело къ обнищанію послѣднихъ ²⁾. Параллельно жилось матеріальнымъ упадкомъ и разложеніемъ духовное, почему и умственный уровень и литературная дѣятельность Хиландарскихъ иноковъ теперь сильно понизились ³⁾. Гѣмъ

но и Хиландарцы, научный авторитетъ которыхъ такъ высоко ставилъ Стефанъ Лазаревичъ.

1) Еп. Порфирій, Перв. Пут. ч I, Отд. 2, 19 стр.

2) Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка Хиландарь, по умноженіи долга дошелъ до такой скудости, что даже временно опустѣлъ и затворены были его врата, до тѣхъ поръ, пока не нашлся благочестивый купецъ—родомъ сербинъ, который и уплатилъ всѣ долги обители (Чтенія 1867 г 4, 109 стр). Въ 1722 г былъ пожаръ, опустошившій половину Лавры и вызвавшій новые долги. Наступившія во второй половинѣ XVIII вѣка войны Россіи съ Турціей прекратили сообщеніе АѦона съ Россіей и оставили Хиландарь собственнымъ средствамъ. Хиландарь, доселѣ жившій исключительно милостынею изъ Россіи, теперь сталъ еще быстрѣе склоняться къ упадку, такъ что къ концу XVIII вѣка въ этомъ національно-сербскомъ монастырѣ получили перевѣсъ уже болгары

3) Краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуетъ такой фактъ изъ жизни перваго сербскаго историка Юанна Райча. Когда Райчъ задумалъ напи-

не менѣе, окончательно литературные интересы у Аѳонскихъ иноковъ за это время не прекращаются, какъ не прекращается окончательно и славянская письменность на Аѳонѣ. Правда, оригинальныхъ писателей или переводчиковъ за этотъ періодъ уже нѣтъ,—если же и были, то слишкомъ въ ограниченномъ количествѣ. Голубинскій напр., могъ указать на одного только Феодосія, Хиландарскаго инока, который въ 1757 году, по порученію Архіепископа Карловицкаго написалъ жизнь Св. Саввы, и—неизвѣстно когда—молебныя капоны: Симеону и Саввѣ ¹⁾. Епископъ же Порфирій категорически заявляетъ, что „въ сербскомъ Хиландарѣ тогда (въ указанный періодъ) никто не сочинилъ ни одной книжки“ ²⁾.

Заго славянская письменность выражается теперь въ *переписываніи* раѣе прибрѣтенныхъ книжныхъ богатствъ. Какъ показываютъ надписи на сохранившихся отъ этого времени доселѣ рукошеяхъ, подобнаго рода дѣятельность Хиландарскихъ иноковъ особенно падаетъ на вторую половину XVI вѣка и первую—XVII вѣка. За это время были переписаны: книги Св. Писанія, богослужебныя книги, писанія Св. Отцовъ, книги капошческаго и историческаго содержанія, различныя сборники ³⁾. Между прочимъ, единственные два памятника знаменитаго Ресавскаго извода сохранились въ перепискѣ этой именно эпохи. Это—Хиландарскій Апостоль 1660 года Арх. Леонидъ ⁴⁾ и Апостоль 1638 года, най-

сать исторію своего народа, почему и рѣшилъ для изученія источниковъ отправиться въ Хиландарь (1758 г.), то безграмотными и подозрительными монахами не былъ допущенъ къ свободному пользованію библиотекой (Голубинскій, Краткій очеркъ 512 стр.). Ср. Sava Chilandarec. Rucopisy a staromsky Chilandarské, Věstnik král. české společnosti náuk, 1896 ч., VI, 1. Извѣстный Варскій, посѣтившій Хиландарь въ 1726 и 1744 годахъ и видѣвшій монаховъ сербскихъ, такъ ихъ характеризуетъ: „они вѣроу тверды и въ благоговѣніи крѣпки и страннолюбивы паче всѣхъ иныхъ святогорцевъ, но *просты и не научены*“. (Еп. Порфирій, Перв. Пут. ч. II, Отд. I, 143 стр.)

1) Голубинскій, цит. соч. 512 стр.

2) Еп. Порфирій, Истор. Аѳона, ч. III, 526 стр.

3) Арх. Леонидъ, Славяно-Сербск. квигохранилища, Чтенія 1875, I, 6—18 стр.; Арх. Леонидъ, Описаніе Серб. Хиланд. Лавры, Чтенія, 1867, 4, 118—127 стр.

4) Чтенія 1867, 4, 121 стр.

денный епископомъ Порфиріемъ въ книгохранилицѣ С. Павловскаго монастыря 1).

Съ XVIII же вѣка всякое значеніе Хиландаря въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія сербскаго народа теряется: въ концѣ этого вѣка, повторяемъ, самый монастырь переходитъ въ собственность болгаръ 2).

1) Еп Порфирій, Перв. Пут. Отд. I, ч. I, стр. 16.

2) Кромѣ Хиландаря, который былъ главнымъ передаточнымъ пунктомъ византийскаго религіознаго просвѣщенія для родной церкви, мы должны указать еще на Свято-Павловскій монастырь, тоже причастный, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, къ подобнаго рода просвѣдательной дѣятельности. Сербы поселились въ греческомъ Павловскомъ монастырѣ значительно позже, нежели въ Хиландарѣ. Временемъ этого поселенія нужно считать царствованіе Стефана Душана, покровителя Аеона, когда притокъ сербскихъ иноковъ на Аеонъ особенно усилился. Съ этого времени посербились, т. е. сдѣлались сербскими, монастыри: Русикъ, принятый Стефаномъ Душаномъ подъ свое покровительство, и греческіе—Св. Павловскій, Дохіаръ и Григоріатъ (а по нѣкоторымъ—и Филоевъ) и Леонидъ, Славяно-сербск. книгохр. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1875, I, 25 стр.). Съ 1354 года Павловскій монастырь управлялся уже сербскимъ игуменомъ Герасимомъ, принявшимъ монастырь по добровольной уступкѣ его греками—Ксиропотамцами, подтвержденной Протомъ и вселенскимъ патріархомъ Матеемъ (Еп Порфирій, Перв. Пут. ч. I. Отд. 2, 15 стр. ср. Исторія Аеона, III, 178 стр.). Послѣдующія историческія событія сербской политической жизни вплоть до совершеннаго подчиненія Сербіи турками въ 1459 году, не только не мѣшали, но, наоборотъ, много способствовали усиленію въ этихъ монастыряхъ (особенно Павловскомъ) славянскаго элемента. Внутреннія смуты, постоянныя нападенія сосѣдей (венгровъ, турокъ, и болгаръ), часто не щадившихъ храмовъ и обителей иноческихъ, вынуждали многихъ изъ иноковъ бѣжать изъ отечества на Св. Гору, гдѣ обезпечено было безопасное убѣжище какъ для нихъ, такъ и для оберегаемой ими церковной святыни и книгъ. Между прочимъ, извѣстное собраніе книжныхъ сокровищъ знаменитаго Ресавскаго монастыря нашло себѣ убѣжище въ Павловской обители, гдѣ и составило главное ядро ея славянскаго книгохранилища. (См. Чтенія 1875 г. I, 27 стр.). Развитие Павловскаго монастыря было задержано паденіемъ въ 1459 году сербскаго государства, послѣ чего объемъ его дѣятельности постепенно сталъ сокращаться, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, такъ что къ концу слѣдующаго (XVIII) вѣка онъ уже былъ возвращенъ (какъ и Дохіаръ съ Пантелеимономъ) грекамъ. Но и за эти четыре вѣка своего существованія Павловскій монастырь, нужно думать, оказалъ цѣнныя услуги своей родной церкви, хотя эти услуги были несомнѣнно меньше по размѣрамъ и ниже по качеству, нежели услуги Хиландаря. Они выражались главнымъ образомъ въ распространеніи сербской литературы посредствомъ переписки, какъ объ этомъ

Таковы данныя сербской исторіи, касающіяся интересующаго насъ вопроса. Правда, они очень кратки, схематичны, отрывочны: кромѣ того они говорятъ собственно только о внѣшней исторіи сербской церкви, совсѣмъ не касаясь внутренней, духовной, бытовой ея стороны. Черезъ перечисленіе іерарховъ, исторіи монастырей, поименнаго количества княжескихъ произведеній получился только остоѣвъ исторіи, но совсѣмъ не видно жизни и духа ея ¹⁾. Но эти пробѣлы и неполноты все-же не помѣшаютъ намъ составить себѣ извѣстное, болѣе или менѣе правильное и точное представленіе о роли Аѳона въ исторіи развитія духовной жизни сербовъ. Даныя въ наше распоряженіе факты этой, хотя бы и нуцтиромъ только намѣченной исторіи, какъ сами по себѣ, такъ и въ особенности взятые въ совокупности настолько цѣльны и краснорѣчивы, что послѣ ихъ анализа не можетъ быть какихъ-либо двухъ мнѣній о значеніи этой роли Аѳона. Эти факты таковы:

Прежде всего самое существованіе сербской православной церкви съ ея первоначальной внѣшней организаціей, съ ея высшей іерархіей, монашествомъ, какъ живымъ и дѣятельнымъ факторомъ религіозно-нравственнаго и книжнаго просвѣщенія, и, наконецъ, самую княжескую,—всецѣло обязано Аѳону. Приобщеніе сербовъ къ православію греко-восточной церкви составляетъ Апостольскій подвигъ св. Саввы—Аѳонскаго подвижника

Но дѣятельность Аѳона—какъ бы она не была велика въ данномъ случаѣ и неизмѣрна по своимъ послѣдствіямъ—всецѣло не исчерпывается только насажденіемъ правосла-

говорятъ надписи сохранившихся рукописей Павловской бібліотеки (А. Леовидъ, Чтенія, 1875., 4, 37—50 стр.).

1) Указанные пробѣлы и неполноты происходятъ какъ отъ недостаточности источниковъ, такъ и отъ несомнѣнной трудности собирать ихъ. Но виноваты ли историки,—скажемъ словами проф. Будновича, словами, относящимися къ исторіи вообще славянскихъ народовъ,—что онъ не можетъ создать живыя народы тамъ, гдѣ ея не было, или гдѣ, по крайній мѣрѣ, не сохранилось о ней свѣжей памяти и живыхъ преданій? (Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, 159 ч. III стр.). Можетъ быть со временемъ, чрезъ разборъ историческихъ матеріаловъ въ архивахъ Германіи, Испаніи, Франціи, особенно же Италіи—архивовъ Ватикана и Венеціи,—и будетъ возможность создать жизнь народа, но теперь приходится ограничиваться пока только отрывками ея внѣшней структуры

нія у сербовъ. Просматривая всю дальнѣйшую исторію ихъ церкви до 1459 года, мы видимъ непрерывное тяготѣніе ея къ Св. Горѣ:

мы видимъ по прежнему и высшую церковную іерархію съ Афона, который являлся, такимъ образомъ, какъ и раньше неизбежной иноческой и литературной школой, гдѣ представители этой іерархіи имѣли полную возможность усвоить результаты тогдашней византійской учености и ознакомиться съ повѣйшими теченіями религіозной мысли.

мы видимъ, далѣе, непрерывный обмѣнъ монашества: притокъ свѣжихъ сербскихъ иноковъ на Афонъ (въ особенности при Стефанѣ Душанѣ) съ одной стороны, и отливъ оттуда (при Стефанѣ Лазаревичѣ, Юріи Бранковичѣ) въ число лучшихъ его представителей для организационной дѣятельности на сербской почвѣ, съ другой:

мы убѣдились, наконецъ, въ неотдѣлимости сербской книжности отъ Афонской письменности.

Что же даютъ намъ эти факты?—Они прежде всего устанавливаютъ связь Сербіи съ Афономъ. Какъ нельзя болѣе ясно они говорятъ о томъ, что въ исторіи сербской церкви (до паденія политической самостоятельности) не было момента, когда бы эта исторія въ своемъ теченіи была представлена самой собою, когда бы въ области религіозной мысли и ея формы она жила бы обособленно отъ Афона жизнью. Но такъ какъ, съ другой стороны, религіозная жизнь Афона была отображеніемъ религіозныхъ идей и религіознаго самосознанія греческаго православія, то, слѣд., сербская церковь жила все это время и жизнью греко-восточной церкви.

Какое же значеніе въ этихъ сношеніяхъ принадлежало Афону? Въ общемъ,—онъ былъ для сербской церкви тѣмъ опорнымъ пунктомъ, гдѣ сербы входили въ соприкосновеніе съ вселенской Церковью и перенимали въ себя соки религіозно-нравственной и умственной жизни ея. Онъ былъ громаднымъ свѣтовымъ рефлекторомъ ¹⁾, на протяженіи многихъ вѣковъ собирающимъ со всего православнаго „вселенскаго“ востока все разнообразіе проявленій религіозной

1) Основаніе для такого сравненія даетъ самое географическое положеніе Св Горы, лежащей въ центрѣ греческаго и славянскаго міра,

мысли и внутренняго опыта и отбрасывающимъ все это, при посредствѣ іерархіи, монашества, княжности, чрезъ Аѳонскіе сербскіе монастыри на сербскую территорию.

Въ частности,—Аѳонъ прежде всего былъ *свѣтомъ* сербскаго православія и охранителемъ чистоты его ученія. Аѳонъ зажегъ этотъ свѣтъ, и только благодаря лишь непрерывному дальнѣйшему *соприкосновенію* съ Аѳономъ Сербія удержалась отъ религіозныхъ заблужденій.

Извѣстно, что XIII и XIV вв. были апогеемъ папской силы и вліянія. Въ Константинополѣ господствовали латиняне; Венгрія, Венеція были послушны маповенію руки могущественнаго папы. Даже самая греческая церковь съ трудомъ спасла свою независимость за этотъ періодъ. Между тѣмъ, для отпаденія отъ православія у сербовъ было много весьма благопріятныхъ обстоятельствъ, когда даже сами сербскіе кралои неоднократно искали случая, по политическимъ соображеніямъ, подчинить церковь папѣ. Памятны факты совраценія по политическимъ расчетамъ всей Сербіи при Стефанѣ Первовѣчанномъ, Драгутинѣ (въ 1290 г.), Милутинѣ (въ 1307 г.), Стефанѣ Дечанскомъ и Душанѣ. И если эти подчиненія папѣ были только притворными, основанными не на религіозныхъ побужденіяхъ, а политическихъ расчетахъ, то сербская церковь въ этомъ отношеніи всецѣло обязана непрерывному благотворному вліянію Аѳона, который все время притягивалъ ее къ себѣ, провѣрялъ и освѣжалъ православіе. Только благодаря этому вліянію послѣд-

жду Византіей и Македоніей. Съ вершинъ двухверснаго Аѳона открываются далекія перспективы: прямо на востокъ виденъ (въ ясный день) Константинополь, лежащій отсюда на разстояніи двухъ морей (А. Стадицій, Дневникъ студента паломника, Кіевъ 1886, 103 стр.), не говоря уже объ островахъ Архипелага, а обернувшись на западъ, вы встрѣчаете уже причудливыя очертанія Македонскихъ горъ. (Ср. „Егда же ест. тишина мощно естъ видѣти отъ Святаго веруу *Царьградъ и Солунь* и иныя градовы и мѣста“—„Сказаніе о Св. Аѳонской Горѣ“, Памяти Древней Письмен 1882, 7 стр.). Если въ древности Аѳонъ, благодаря своему высокому положенію, господствующему на пространствѣ отъ Фессалии до Дарданеллъ и отъ Доспатскихъ горъ до сѣверныхъ Спорадовъ считался главнымъ маякомъ этой части Эгейскаго моря (Будилевичъ. Значеніе Македоніи въ судьбахъ греко-славянскаго міра, Извѣстія Славян Благ. Общества, 1903, I, 11 стр.), то теперь онъ приобрѣлъ еще большую цѣнность въ качествѣ духовнаго маяка греко-славянскаго міра

пес вошло въ плоть и кровь духовной природы сербовъ, сдѣлалось необходимою атмосферою ихъ религіозной жизни, обнаруживъ, такимъ образомъ, удивительную стойкость противъ религіозныхъ соблазновъ.

А *насколько* сильно было значеніе Афона въ этомъ смыслѣ за указанное время, то это особенно обнаружилось въ слѣдующій, самый несчастный періодъ ихъ исторіи, когда, какъ мы видѣли уже, главныя артеріи Афоно-сербскихъ сношеній засорились: о связи іерархіи съ Афономъ пѣтъ свѣдѣній, монашество оскудѣло, литература выродилась въ книжное копированіе. Въ это то время, время испытанія крѣпости вѣры и національнаго самосознанія для сербовъ, еще ярче и выпуклѣе, повторяемъ, обнаружилась безцѣпность той услуги, которую Афонъ въ предшествующій періодъ оказалъ сербской церкви.

Мы знаемъ, насколько тяжелы были условія политическаго рабства славянскихъ народовъ, и въ религіозномъ отношеніи какъ бы брошенныхъ на произволъ судьбы. До самаго возрожденія націи въ прошломъ столѣтіи у сербовъ не было образованнаго духовенства съ его проповѣдью и примѣромъ собственной жизни, слинкомъ мало было монастырей и церквей, съ ихъ, поддерживающимъ вѣру отцовъ, общественнымъ богослуженіемъ, отмѣчается недостатокъ церковной литературы, училищъ, типографій. Однимъ словомъ, наблюдается полное отсутствіе самой элементарной поддержки сербскому православію при постоянномъ напорѣ со всѣхъ сторонъ соблазновъ:—отъ турецкаго насилія, отъ католическаго благотворенія и протестантскаго просвѣщенія съ его свободой личности. Но мы знаемъ также, что не смотря на такія, чрезвычайно рѣдко выпадающія на долю народовъ, неблагоприятныя обстоятельства, вѣра православная не угасла у сербовъ—Почему?

Можно съ увѣренностію сказать, что только постояннымъ освѣженіемъ Афономъ религіознаго чувства сербскаго народа въ предшествовавшую эпоху его самостоятельной жизни (единственно свѣтлымъ періодъ всей сербской исторіи до XIX вѣка) послѣдній обаянъ всецѣло той энергіею и твердостію въ религіозной сферѣ, съ какою онъ могъ встрѣтить и отразить *соблазны* вѣроотступничества со стороны масулизма, католичества, протестантизма въ продолженіи почти

четырёх-вѣкового періода турецкаго господства на сербской территоріи.

Тѣ религіозно-нравственные задатки, которые такъ непрерывно пересаживались вмѣстѣ съ іерархіей, монашествомъ и литературой съ Аѳона на сербскую землю на протяженіи двухвѣкового съ лишнимъ существованія самостоятельной народной церкви, не остались и не могли остаться чѣмъ то внѣшнимъ, почти чужимъ для нея; вообще,—пройти безслѣдными въ церковной жизни народа. Нѣтъ, они должны были пустить и пустили, очевидно, глубокіе корни въ стремленія и убѣжденія народныхъ массъ, вошли въ укладъ ихъ общественной и семейной жизни, стали вообще неотдѣльными отъ ихъ собственнаго самосознанія.

Этимъ только и можно объяснить удивительную стойкость и упорство массъ въ сохраненіи той вѣроисповѣдной формы, которая оказалась, притомъ, наиболѣе удовлетворяющею стремленіямъ ихъ духа и потребностямъ ихъ чувства. Религіозная закваска съ прекращеніемъ непосредственнаго вліянія Аѳона за отмѣченный періодъ, очевидно, не могла быть вытравлена изъ жизни народа; она осталась и дала броженіе, хотя, можетъ быть, и слабое, національной и религіозной жизни. Когда же настало благопріятное время—это броженіе усилилось и изъ подъ пепла и развалинъ опять возродилась *самостоятельная церковь въ свободномъ государствѣ*.

Пусть у насъ не сохранилось свѣдѣній о непосредственной помощи сербской церкви со стороны Аѳона за это время; нѣтъ извѣстій о томъ, какими мѣрами тамъ сохранялась вѣра, поддерживалась душевная бодрость, усиливалась нравственная крѣпость, оберегалась отъ умственного одичанія предоставленный самому себѣ народъ, раздувалась, наконецъ, искра національнаго самосознанія; но разъ православіе не утерялось и національное самосознаніе не угасло—Аѳонъ имѣетъ несомнѣнное право на основаніи только дѣятельности предыдущей эпохи считать себя *главнымъ факторомъ сохраненія сербской народной церкви*.

Итакъ, значеніе Аѳона для сербской церкви неисчислимо:—Аѳонъ не только далъ Православіе—фактъ самъ по себѣ имѣющій громадную цѣнность,—но и, постоянными сношеніями чрезъ іерархію, монашество, литературу въ періодъ самостоятельной жизни сербскаго государства, *укрѣпилъ его*:—

Благодаря лишь Аѳону сербская церковь могла устоять подъ напоромъ католичества въ XIII и XIV вв., и масульманства въ періодъ четырехвѣкового господства послѣдняго.

Но можно думать, что Аѳонъ былъ не только свѣтомъ, но и *солью* для нравственной жизни сербовъ, хотя у насъ, собственно, слишкомъ мало матеріаловъ для надлежащаго освѣщенія дѣятельности Аѳона для сербовъ въ этомъ направленіи. Главнымъ факторомъ въ данной области является, конечно, іерархія и монашество. Если живой примѣръ ихъ высоконравственный жизни не проходитъ безслѣдно для членовъ уже сложившагося церковнаго общества, то тѣмъ болѣе онъ долженъ сыграть значительную роль въ новоформирующемся—каковымъ и была Сербія. Но всѣ извѣстія объ этомъ существенномъ орудіи для нравственной жизни ограничиваются, главнымъ образомъ, внѣшнею его стороною. Они говорятъ лишь о строеніи монастырей въ Сербіи, о фактахъ посаженія іерархін и монашества, но—крайне скупо о результатахъ вліянія этихъ послѣднихъ на ростъ народной жизни. За внѣшностію этой организаціи весьма слабо пробивается живой духъ ея. Но тѣмъ не менѣе, разбираясь и въ этихъ небогатыхъ данныхъ, мы все же находимъ основаніе думать, что вліяніе Аѳона было и тутъ значительнымъ.

Прежде всего за это ручается самый фактъ заимствованія первой сербской іерархіи и монашества съ такъ всѣмъ уважаемаго за нравственный обликъ Аѳона. И можемъ быть увѣренными, что и та и другое оказались на высотѣ своей задачи, такъ какъ это прежнее уваженіе къ нравственной жизни Аѳонскаго монашества не только не было потеряно потомъ, въ дальнѣйшей исторіи, но оно еще болѣе окрѣпло. Такъ, въ хрисовулѣ 1348 года Стефана Душана на имя Призренскаго монастыря—его задужбины—говорится, что, если при избраніи игумена не найдется подходящаго лица изъ братіи самого монастыря, то вызвать таковаго изъ *Хиландаря* 1)

Примѣнимъ, затѣмъ, факты построенія въ Сербіи новыхъ церквей и монастырей, и щедрыхъ, въ ихъ пользу, пожертвованій въ видѣ земель, селъ и т. п., какъ со стороны

1) Флорискій Т. Памяти Законодат. дѣят. Душана, 111 стр.

королей, такъ и властелей. Такія дарственные грамоты особенно учащаются при Милутинѣ, Стефанѣ Дечанскомъ, Душанѣ. Это все говоритъ, конечно, о *расположенности* сербскихъ правителей къ православной церкви и духовенству.

Особенно важно свидѣтельство „Законника“ Стефана Душана—какъ извѣстно, представляющаго собою собраніе и обобщеніе—въ смыслѣ закона—обычаевъ, правъ, освѣщенныхъ временемъ;—вообще—итогъ того, къ чему пришелъ народъ постепенно въ продолженіе своей многовѣковой жизни. Изъ „Законника“ видно, что духовенство пользовалось *особенною честью* отъ народа: за оскорбленіе или вредъ причиненный духовному лицу въ „Законникѣ“ положены строгія наказанія, такъ же, какъ за святотатство и чародѣйство ¹⁾).

Если, такимъ образомъ, „Законникъ“—составленный въ самое цвѣтущее время сербскаго государства, и представляющій собою сводъ, выработанныхъ практикою предыдущихъ лѣтъ, законовъ—свидѣтельствуетъ объ *особомъ уваженіи* къ духовенству, то отсюда нужно думать, что это уваженіе явилось, какъ *заслуженный* результатъ долговременнаго благотворнаго вліянія послѣдняго на религіозно-правственную жизнь сербскаго народа. Слѣдовательно, Аѳонъ былъ не только „свѣтиломъ“, но и „солью“ для сербской церкви.

И это духовное обаяніе и нравственный ореолъ обвѣваетъ священное имя Аѳона—„Светој Горѣ“—въ глазахъ серба даже до настоящихъ дней:—„Срби! братю драга,

Тамо траж'те блага,
Ах!.. У Светој Горѣ
С небом се говори!“ ²⁾).

Свящ. І. Смирновъ.

1) Майковъ, Исторія сербскаго яз., 245 стр

2) Гласникъ, Београд. 15 јуна 1911, 204 стр.